

Татьяна Степанова

Истории Раймона Седьмого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Анатольевна Степанова

Истории Раймона Седьмого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34341022

SelfPub; 2018

Аннотация

Началась эта история с того, что главный герой любил вишню. Ведро вишни, одна встреча... и вот уже жизнь совершает невероятные кульбиты и сальто, становясь с ног на голову... хотя, а кого я собственно обманываю? Когда это та жизнь на ногах стояла? Впрочем, кто ноет и жалуется, тот не Раймон Седьмой! Наш-то герой из любых коллизий выходит победителем и никогда не теряет оптимизма. Что, не верите? Говорите, врун и трепло? А вы сами почитайте, я ведь вам врать не буду... честное кикиморское! Содержит нецензурную брань.

Истории Раймона Седьмого

.

Арка первая. Граф и две кикиморы.

История первая. Кикимора и Раймон Седьмой.

Я сидел на крыльце дома и курил. Сегодня мать попросила съездить на дачу, собрать ягоды и полить пару грядок, гордо именуемых огородом. Покупать дачу при том, что заниматься землёй никто не хотел, было напрасной тратой денег, но, тем не менее... Большая часть земли зарастала бурьяном выше человеческого роста, который отчим периодически скашивал. Посередине стоял когда-то горевший сруб, его перекрыли заново, и на том дело встало. Отчим прирубил крылечко, и решил, что теперь дом вполне пригоден для летнего отдыха, несмотря на чёрные стены. Я жил отдельно от матери и наезжал сюда редко, только после длительного сеанса пинков и обещания особо выдающихся пряников. Впрочем, поспела вишня, которую я очень люблю – а значит, меня не пришлось долго уговаривать.

Я запасся по дороге буханкой черного хлеба, пятью сосисками и тремя литрами пива. По зрелом размышлении я решил переночевать на даче – работа, на данный момент, не требовала пребывания в городе, почему бы и не отдохнуть. И вот сейчас я наслаждался жизнью... над костерком насаженные на прут жарились сосиски, первый литр пива подходил

к концу, на ступеньке на газете был сервирован ужин— зелёный лук, соль в деревянной солонке и нарезанный крупными кусками хлеб.

Темнело поздно, сумерки только начинали сгущаться. Народ вокруг точно вымер— тишина. Я привстал и повернул прутик, чтоб сосиски равномерно прожарились. Вдруг за спиной раздался тоскливый вздох. Я обернулся. На ступеньке крыльца, выше меня стояла девушка...вернее даже девочка— подросток.

-Чего тебе?— я удивился. В доме никого не было, я полчаса назад доставал из сарая раскладушку и ставил её в комнате, так что девицу проглядеть не мог.

— Ничего, — девочка села рядом со мной, и как-то странно на меня посмотрела. Я глотнул пива и опять повернул сосиски.

-Пойдём купаться?— вдруг сказала девочка.

-С какого?— опешил я. Плавать я не умею, тем более после трёх бутылок пива. Да если бы и умел...Девушка явно была малость того.

-Просто...— она явно не ожидала отказа. — а ты жить здесь

будешь?

– Нет, – я посмотрел на обгорелый дом.– Уеду завтра.

Девочка снова уставилась на меня. Это начинало нервировать, она смотрела на меня, как на новогодний подарок под ёлкой... Я понимал, что меньше всего тяну на прекрасного принца– при росте 175 см и весе 50 кг. К тому же одет я был в старые камуфляжные штаны и застиранную чёрную футболку, а волосы собрал в хвост и повязал на голову бандану– терпеть не могу когда на голову сыплется всякая труха.

–Пошли, вода тёплая,– эта ненормальная явно не хотела от меня отставать.

–Я плавать не умею,– лениво отмахнулся я.– к тому же жена, дети...утону– не простят!

–А сколько у тебя детей?– недоверчиво спросила девочка.

–Семеро,– пригорюнился я,– целых семь...хотя может и больше– я их давно не пересчитывал, а ты сама понимаешь, стоит разок-другой не пересчитать– а их уже восемь...или девять, как повезёт.

–Как это?– девочка недоуменно захлопала глазами,–

сколько же тебе лет? Я думала, тебе лет шестнадцать... или семнадцать...

-Сорок девять,— вздохнул я,— скоро пятьдесят будет.

-Ты врёшь,— девочка нахмурилась,— неправда!

-Понимаешь,— мне на ум пришёл сюжет из старой книги,— я ж художник. Я нарисовал свой портрет и заколдовал его, теперь он стареет вместо меня. А я навсегда останусь таким. Пока другой портрет не нарисую, когда этот надоест.

-Ой,— девочка зажала рот руками, -прости...я не знала, что ты колдун!

-Ну— я ухмыльнулся,— когда живёшь на свете семьсот лет, чему только не научишься.

Как семьсот?— девочка помотала головой,— ты же сказал сорок девять!

— Я наврал,— я покачал головой,— на самом деле мне уже семьсот с лишним лет, и зовут меня Раймон Седьмой, граф Тулузский. Про меня даже песня есть, не слыхала?

-Нет,— девочка покачала головой,— простите, граф...

-Ладно, на первый раз прощаю,— я милостиво улыбнулся. Девочка снова вздохнула и сглотнула слюну. До меня дошло — она ж голодная!. А я тут сказки рассказываю. Наверное, какая-нибудь дурочка местная. Может родители алкаши...

Я снял сосиски с прутика, и , обжигаясь, стащил их на хлеб. Потом придвинул один бутерброд к своей собеседнице:
—Угощайся!

-Это мне?— она выглядела до странного удивлённой,— Прямо всё мне?

-Да лопай, мне не жалко,— я упивался собственной благотворительностью, под четвёртую бутылку пива.

- Благодарю, граф Раймон!— девочка вдруг вскочила, низко поклонилась, опять села и схватила бутерброд.

Я никогда не видел, чтоб так ели. Казалось, её вообще никогда не кормили — она всхлипывала, давилась, чавкала — практически весь мой ужин был сметён в минуту...

Внезапно, в кармане моих штанов заиграл телефон—BUCK-TICK запели о ночном кошмаре. Я вытащил телефон— мои гаджеты частенько жили собственной жизнью.

Иногда музыка включалась в самый неожиданный момент, и не желала выключаться, не доиграв до конца. Наконец кошмар закончился... Моя гостья вытирала ладошкой рот. На крыльце лежала пустая газетка. На ней сиротливо стояла деревянная солонка.

– Ты и правда настоящий граф, – девочка спустилась с крыльца, – а если чего, так можешь купаться, правда! Не утонушь. А хлебушка больше нету?

– Погоди, – я пошёл в дом и вынес ей полбуханки, которые оставил на утро, – на, ешь. У меня ещё пиво осталось.

Она схватила хлеб, прижала к груди, и вдруг широко улыбнулась, показав полный рот острых, как иглы зубов. Я остолбенел. Девочка повернулась ко мне спиной и побежала за калитку – по тропинке зашлёпали босые ноги.

-Прощайте, граф Раймон! – донеслось издалека.

Я вытащил из пачки сигарету и еле смог закурить – руки ходили ходуном. Кого же я тут подкормил? Внезапно меня осенило – я заметил это несоответствие практически сразу, но осознал только теперь – при всём облике местной дурочки у девочки были длинные заострённые ногти, покрытые чёрным лаком. Мать моя женщина, – подумалось мне, – а если

бы я хавчика пожалел? Она бы и меня, наверное, стрескала, не подавившись! Я бросил окурок, пива больше не хотелось. Войдя в дом, я старательно закрыл все двери и окна. Потом лёг на раскладушку и внезапно заснул – без снов, как в яму провалился.

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо.

-Вставай, придурок, ты чего тут творил! -я с трудом разлепил глаза. Яркое светило солнце, а меня трясла мать.

-Я спал, а что?– сонно поинтересовался я.

-Ты по кой хрен рыбу на крыльце оставил? Испортится же! Наловил, так хоть в тень бы положил, идиот...-мать постепенно успокаивалась.

-Какую рыбу?– не понял я,– мам, у тебя глюки, что ли?

-Допился...-мать вздохнула,– иди, гляди, у кого глюки!

Я вышел из дома и остолбенел– на крыльце лежала огромная рыбина.

-Мам,– сказал я,– это я того...выменял, вот принесли...на буханку чёрного и пять сосисок.

История вторая. Ответный визит.

Я выбросил окурочок и помянул соседа тихим незлым матерным словом. Если бы я не встретил утром подвыпившего мужичка с полной корзиной белых, я бы ни за что не попёрся в лес— с моим-то цыганским счастьем и топографическим кретинизмом!

А теперь... да, я набрал грибов, да, полную корзину! Но вот где я— мне было абсолютно неизвестно. Я блуждал уже третий час. Хотя нет, вру— первый час я собирал эти дурацкие грибы в огромную корзину, одолженную тем же соседом... чтоб ему! Я вытащил мобильник, чтобы в панике звонить спасателям и умолять забрать меня, дурака, из этого места — но увы! Сеть не ловилась. Я вытащил из полупустой пачки следующую сигарету и пошёл в неизвестном направлении... хоть куда-нибудь да выйду — леса тут не самые глухие. К тому же я не старенькая бабусяка с больным сердцем, а вполне себе здоровый парень неполных двадцати пяти лет от роду.

Пройдя в десятый раз мимо кривой ёлки, я заметил чуть поодаль пятно, цветом отличающееся от примелькавшейся зелени. Я бегом ломанулся в этом направлении. На пеньке сидел дедок с длинной бородой, одетый в старую фуфайку,

облезлые штаны и рыжие кирзачи. На голове у деда была ушанка, прожившая долгую и полную приключений жизнь.

-Здрассьте!– выпалил я,– дедушка, а как мне на Горелые Выселки выйти?

Дед внимательно посмотрел на меня...и еще раз посмотрел.

-И не понимаю, кто ты есть,– вынес он вердикт,– не то парень, не то девка...вон туда иди,– он махнул рукой и закашлялся. Потом ещё раз посмотрел на меня и спросил с надеждой:

-Куревом не богат?

Сквалыжничать было как-то неудобно, и я протянул деду полную пачку, лежавшую в кармане штормовки.

-Благодарствую,– дедок хитро посмотрел на меня,– ты иди, иди...вроде парень, а волосы отрастил,– он хмыкнул неодобрительно,– да платок ещё повязал...

-Не платок, а бандану,– пробурчал я себе под нос, и поплёлся в указанном направлении.

Через полчаса до меня начало доходить, что дед меня про-

сто— напросто надурил — никакими Горелыми Выселками и не пахло. Небось решил подшутить над городским — тоскливо подумал я, когда под ботинком захлюпало болото. Ещё через полчаса блужданий среди чахлых ёлок, провалившись пару раз по колено в грязь я был готов прибить деда— шутника. Наконец я сдался. Из земли торчал одинокий валун, я сел на него, поставил осточертевшую корзину и решил перекусить— я предусмотрительно прихватил с собой рюкзак, в который положил буханку чёрного, кусок сала и полторашку... не пива! Воды налил, из скважины, а вы что подумали!

-Ой...— раздалось за моей спиной,— граф Раймон!

Я обернулся— передо мной стояла моя недавняя ночная гостья, изумленно глядя на меня зелёными глазищами и открыв рот.

-Здравствуйте, прекрасная незнакомка!— я встал с камня и поклонился, — наконец— то я Вас нашёл!

-А зачем?— поинтересовалась она.

-Как это зачем?— я укоризненно покачал головой,— нанести ответный визит! У нас, у графьёв, так принято— если ко мне кто в гости пришедши, так я беспременно должен ответный визит нанести, то бишь к нему в гости явиться. С по-

дарком. Правила такие, хорошего тону, иначе какой я граф? Так, одно название!

-А подарок мне?— спросила она,— а какой? А мне никто подарков не дарит... вот дедушке приносят иногда, а мне нет.

-Вот!— я широким жестом протянул ей буханку и сало, завернутые в пластиковый пакет,— угощайтесь, прошу! Кстати, мадемуазель, моё семейство передаёт Вам пламенный привет и пожелания наилучшего здоровья!

-А...а им тоже!— она просияла, и улыбаясь во все свои полторы сотни зубов спросила— а ваши дети...они увеличились?

-К счастью нет,— светским тоном ответил я,— я их вовремя пересчитал! Их по—прежнему семь, надеюсь, они не съели восьмого! От них ведь всего можно ждать.

-А что теперь надо делать, ну, по правилам?— спросила вдруг она.

-Ну, после милой непринуждённой беседы Вы должны меня сопроводить до дома,— я немного подумал, и добавил—впрочем можно и до выхода из леса, по дороге развлекая меня непринуждённым разговором. Я бы Вас тоже сопроводил,

но Вы слишком внезапно меня покинули, увы!

-Понятно,— она покрепче прижала к себе пакет с хлебом,— а беседа уже всё? Тогда пойдёмте, граф Раймон, я Вас сопровожу. А как надо разговаривать, чтоб было непринуждённо?

Мы шли по болоту, по лесу, я нёс какую-то пургу, но моя собеседница принимала мой стёб за чистую монету... по-моему.

-Вот, граф,— она показала на прогалину, — там ваша деревня. А теперь я должна к Вам с подарком отнести визит?

-Это уж по желанию,— ответил я,— Вы же не граф... Засим я прощаюсь!

-Прощайте, граф!— когда я обернулся, её уже не было.

Я пошёл по прогалине к выходу из леса.

-И куда это тебя понесло, а? Я ж тебе куда показал то?— на пеньке сидел давешний дед.— Выселки то твои вона где!

-Иди ты нах, дед!— взвыл я и бегом помчался к деревне. Вслед мне нёслось ехидное хихиканье.

История третья. Сестрёнки.

Мне было хреново. В своё оправдание могу сказать только— сам дурак. Весь день я был занят важным и ответственным делом — ремонтом крыши. Неделю назад была сильная гроза, ветром сорвало рубероид с крыши дачи — отчим тут же оказался страшно занят, и меня, как главного бездельника, дружными усилиями отправили чинить крышу. Я почти целый день сдирал рваный рубероид и приколачивал новый. По собственной же дурачности снял майку и не заметил, как обгорел. К тому же накануне меня обрадовали — родители решили дачу продать. По идее, незачем было и покупать, но тогда были лишние деньги, а теперь они понадобились, и завтра с утра я должен был встретить потенциальных покупателей и всё им показать и рассказать.

В результате сейчас я лежал на раскладушке, сожжённая спина болела, меня знобило. Наверно, надо было позвонить родителям и ехать домой, но связь постоянно обрывалась, потом потемнело и начался дождь. Единственным плюсом в ситуации было то, что я таки починил крышу. Теперь мне было хреново, но с потолка не лило.

За окном сквозь шум дождя раздалось шлепанье, потом царапанье в окно. Я никого не ждал, вставать было больно и я остался лежать .

Шлёп...шлёп...шкряб... тот кто ходил под дождём не уни-

мался ,кажется их было двое, один скрёбся и шлёпал под окном, второй начал царапаться в дверь.

-Идите в жопу негра,— не выдержал я. Шлёпанье и царапанье возобновились с новой силой, точно мой ответ придал существам снаружи уверенности и сил. Дождь усиливался, сверкнула молния, раскат грома слился с визгом.

-Мать вашу за ногу,— я с трудом сполз с койки и поплёлся к двери. Там уже не скреблись, а колотились изо всех сил и подвывали. Я распахнул дверь, снова ударила молния, совсем рядом, свет в доме мигнул и погас, и в меня вцепились две мокрые орущие от страха тушки. Я с трудом удержался на ногах, и начал отдирать их от себя, с применением непарламентских выражений. Тушки подвывали, скулили и отдираться никак не хотели.

-Да блина,— не выдержал я,— чего прицепились! Чего вам надо, нищим не подаю!

-Граф,— проскулила тушка побольше,— мы визит...

-Боюсь...— тихо подвывала тушка поменьше,— боюсь...

-Мать вашу, болотную,— я понял, что так просто мне от них не отделаться,— отцепитесь уже, кикиморы...идите в

дом.

С радостным визгом они метнулись в тёмную комнату, я поплёлся следом и рухнул на свою раскладушку. Голова раскалывалась, майка насквозь промокла и стало ещё холоднее, меня трясло, я натянул одеяло до подбородка и свернулся калачиком, закрыв глаза.

-Чего делать-то?– спросила одна другую.

-Не знаю,– ответила та,– он же лежит... и молчит, а раньше говорил!

-Я есть хочу!– в тишине явственно клацнули зубы,– ты сказала, покормит!

-Жрите,– простонал я,– твари корыстные, на столе в пакете.

Зашлёпали босые ноги, зашуршал пакет, и раздалось громкое чавканье. В пакете был хлеб, я прихватил аж две буханки, и пол скалки копчёной колбасы– надоело оставаться голодным из-за прожорливой нечисти. А она ещё и подружку приволокла. Опять я в пролёте – тоскливо подумал я.

-Всё что ли?– раздался громкий шёпот,– а это чего?

-Погоди, чего он молчит-то?– прошипела вторая. Разда-лось шуршание и чавканье с причмокиванием...навверное мои гости добрались до прошлогодних залежалых карамелек, раскиданных по ящику стола. Разгрызть их человеку было невозможно – они были просто каменными.

-Э...граф а что выделаете?– спросила первая.

-Подыхаю,– буркнул я,– а вы припёрлись и мешаете!

-Как...зачем, граф!– в её голосе появились какие-то странные интонации...гроза гроыхала уже далеко, дождь всё шумел. Внезапно вспыхнула лампочка. Вторая ойкнула и подавилась каменной карамелькой. Я повернулся к ним и, наконец, рассмотрел обеих. Первая, моя давняя знакомая была малость постарше второй, и если бы не глаза, зубы и ногти, была бы нормальным подростком. Вторая выглядела помладше, растрёпанная, большеротая. На вид ей было лет десять– двенадцать. Она смотрела на меня, открыв рот. Первая хлопала глазами, и казалось, вот-вот разревётся.

-Мы же...вы же нас в дом...-она шмыгала и всхлипывала,– раз позвали, значит мы тут жить...

-Мы помогать,– поддержала вторая.– мы умеем! Пол ме-

сти, печь топить...мы помогаем, а нас выгоняют, не помир-рай!

-Так я сам тут не жить, тьфу на вас,– разозлился я,– дом продают, завтра покупатели приедут смотреть!

-А мы как же, граф?– жалобно спросила первая.

-Да какой я граф, наврал я тебе всё!– не выдержал я,– а вы как хотите!

Я опять завернулся в одеяло и лёг. Голова раскальвалась, ноги мёрзли, спина болела немилосердно.

-А зачем?– осторожно спросила первая.

-Из любви к искусству!– буркнул я,– а теперь отвалите, я подыхать буду. А то завтра приедут люди, а тут тело неподо-дохшее...неправильно.

-А кто нас кормить будет?– жалобно спросила вторая,– не подыхай, а? Оставайся тут!

Я закрыл глаза. Наверно мне всё это мерещилось из-за температуры. Две кикиморы – причудится же, лениво подумал я, уплывая в темноту.

Мне снился странный сон— что то гремело и падало, меня постоянно трогали влажной холодной рукой, кто-то чем-то шумел...наверное температура немного спала и я таки заснул крепко.

Я проснулся рано— было ещё сумеречно. Свет горел, и сначала я не мог врубиться, что произошло в доме— вещи были раскиданы, посуда частью целая, частью побитая лежала горкой на столе, а посреди комнаты красовался сломанный веник. Я сполз с раскладушки и поплёлся к выходу— у двери, свернувшись в клубок спали обе девицы. Я осторожно потыкал в них ногой, они мигом вскочили, радостно сияя своими жутковатыми улыбками.

-А мы прибрались!— выпалила первая,— мы всё-всё убрали!

-И пол подмели,— сияла вторая,— а печки у тебя нету, а то бы мы истопили!

-Так...— я начал понимать, во что вляпался, злиться на них сил не было, сам дурак.— а теперь будете делать по-моему! Согласны?

-Да, хозяин!— они явно были готовы на всё,— а ты нас кор-

мить будешь? А то мы всё съели уже...

-Вот порядок будет, и покормлю,— пообещал я.— я вам буду говорить, а вы делаете.

Под моим чутким руководством дом был приведён в относительно приличный вид. Я вскипятил воду в электрическом чайнике и заварил чай. Потом вытащил из сумки не найденный шустрой нечистью вчера рулет и честно поделил на три части.

Мои кикиморы радостно накинулись на угощение. Ели они на редкость неаппетитно, но быстро и съели всё до крошки. Та, что поменьше, пыталась вылизать старую клеёнку, но я её остановил.

-Так, а теперь знакомимся,— я стукнул об стол стаканом,— звать вас как?

-Я— Дунька,— старшая вытерла нос кулаком,— а она— Акулька. Ты это, хозяин... не продавай дом, а? Лучше печку сделай, мы за ней жить будем.

-Ага,— поддержала младшая,— печку топить!

- Пироманка,— пробурчал я,— объясняю ситуацию — дом

не мой, его продают. Купить мне не на что, и не надо. Я тут только летом бываю ,когда работы нет. Что с вами делать, не знаю.

-А у тебя другой дом есть?– робко спросила старшая,– может, ты нас туда позовёшь?

-С печкой...– мечтательно протянула младшая.– за печкой тепло!

Я знал, что потом прокляну себя на всю жизнь, но я не мог их бросить...

История четвёртая. Кушать очень хочется...

Я сидел за столом, грустно созерцая кучку мелочи и пару бумажек покрупнее. Финансовая жопа блистала передо мной во всей красе. На сии скудные средства мне предстояло прожить ещё неделю , как минимум, причём ещё и прокормить своих вечно голодных квартиранток. Как ни крути, а надо что-то делать. Один я как–нибудь перекантуюсь, не в первый раз на мели, друзья помереть не дадут, а что с кикиморами делать? Непонятно...не к родителям же побираться.

Меня осторожно поскребли коготком по руке. Потом по другой.

-Чего вам?– угрюмо поинтересовался я.

-Хозяин, мы кушать хотим...– они жалобно смотрели на меня голодными глазами.

-Нечего у нас кушать,– буркнул я.– сожрали уже всё!

-Совсем всё?– шмыгнула носом младшая,– а денежки...купить?

Я достал из холодильника хвост копчёной колбасы, четвертинку чёрного из хлебницы и поделил пополам.

-Вот, это ешьте, а больше нет. И денежек тоже нет. Так что ищите другого хозяина.

-Зачем другого?– старшая жалобно хлопала глазами, дожёвывая колбасу,– мы другого не хотим, ты добрый, не ругаешься, не дерёшься...

-Мы лучше еды поищем,– поддержала младшая.

-Или денежек,– старшая дожевала колбасный хвост и улыбнулась.

Я представил себе, чем могут кончиться их поиски, и мне стало как-то неуютно.

-Лучше нормального хозяина найдите, с деньгами,— буркнул я.

-А можно кошку продавать!— радостно воскликнула младшая,— я кошку умею представлять, ты меня продашь, а я сбегу... а потом опять продашь!

-И денежки будут!— поддержала старшая,— Акулька хорошо кошку представляет, летом одному дядьке представила, а тот её ловил и орал: «Мын-кун!»

-А потом меня найдут и по шее надают за жульничество,— прервал я их мечтания.— Нельзя одну кошку всё время продавать.

Зазвонил телефон. Мать просила меня съездить на пока ещё нашу дачу и собрать яблоки и сливу. По её словам и того и другого было просто завались. На вопрос куда это девать, сказала – куда хочешь, главное— собрать, чтоб не пропало.

-А мы съедим!— у кикимор не было сомнений, куда деть неожиданно свалившийся урожай,— мы всё съедим! Вот, и еда есть! И кошку продавать не надо! Мы тебе собирать поможем!

-Ладно,— обреченно согласился я, прикидывая, хватит ли

денег на билеты. – Собирайтесь, поехали, я сегодня выходной.

Вечером мы, счастливые, уставшие и наевшиеся возвращались домой. Младшая кикимора прикорнула на сиденье электрички, поджав ноги и пристроив голову ко мне на колени, при этом нежно обнимая ведро со сливой. Старшая привалилась к плечу с другой стороны, своё ведро она пристроила на коленях, и тоже сопела носом. У меня из поклажи было два ведра яблок и рюкзак с картошкой – помог малость, бабушке через улицу, выкопал картоху, и взял в отличие от местных не бутылкой, а продуктом. Девушки мои ещё выловили двух рыбин, породу которых я затруднялся идентифицировать – здоровенные такие... хз как называются, они еле помещались в картофельном мешке. Призрак неминуемого голода отодвинулся в необозримую даль. Я тоже задремал, усталость давала о себе знать.

Внезапно кто-то дотронулся до моего колена.

-Эй, парень!

Я проснулся – напротив меня сидел мужик похмельного вида.

-Продай яблок, а?

-Чего?— я спросонья не сразу врубился, чего ему надо.

-Яблок продай, говорю,— он заискивающе посмотрел на меня,— вон у тебя сколько, куда тебе, а мне надо!

-Зачем?— до меня постепенно начинало доходить, как мне повезло, но поверить в своё везение я ещё не мог.

-Понимаешь,— мужик стеснительно кашлянул,— я это... жене сказал, что на дачу поехал, ну, яблок собрать там...а там с мужиками малость того...а электричка-то последняя, и на работу завтра...если без яблок приеду, она ж меня живём съест! Продай хоть сколько, будь человеком, а?

-Ладно, продам,— я наконец проснулся окончательно,— бери одно ведро. Только ведро отдай.

-Спасибо, выручил!— мужик сунул мне купюру, и начал торопливо пересыпать яблоки из ведра в пакет, приговаривая— куда мне твоё ведро, жена мигом попалит, с чужим ведром-то...

Я попытался пристроить в пустое ведро мешок с рыбой, он не влезал, и я плюнул на это занятие. Мужик заинтересованно наблюдал за моими манипуляциями.

-Чего это в мешке?– поинтересовался он.

-Рыба,– честно ответил я,– наловили...

-Удочкой?– уточнил мужик.

-Не знаю,– признался я,– девки ловили, я картошку копал.

-Покажи, а?– мужик вытянул шею,– чего ж за рыба такая, здоровая!

-Да каб я знал...– я осторожно развязал мешок, стараясь не потревожить спящих кикимор,– вон, аж две штуки...

-Ух ты...– мужик восхищённо присвистнул, -и не знал, что такие еще водятся...-он с уважением оглядел нашу потрёпанную и грязноватую компанию (а что бы вы хотели после огородных работ?)

-И я не знал, пока не притащили с речки,– я завязал мешок, рыба ещё слабо трепыхалась.

Поезд подъехал к вокзалу. Я растолкал свою команду, и мы потащились к выходу. Девицы активно зевали, и спотыкались. На перроне я остановился, чтобы вытащить сигаре-

ты. Сзади кто-то шумно сглотнул слюну. Я оглянулся— мои девки стояли рядом, и есть не просили.

-Мам, как сливы хочется,— я понял, кто меня напугал— сзади стояли две женщины, одна лет сорока с хвостиком, другая помладше меня и сильно в положении.

-Может, продадите сливу?— спросила нас старшая,— дочке очень хочется, пожалуйста...

Ей явно было неудобно, да и видок у нас был бомжеватый, но, конечно, отказать беременной я не мог. Она смотрела на сливы примерно так, как мои кикиморы на хлеб.

С вокзала мы вышли малость разбогатевшие и с полегчавшей поклажей.

-Стой, парень, погоди!— меня догонял мужик из электрички,— слышь, покажи рыбину, жена не верит!

- Да мне не жалко, вот,— я развязал мешок — подошедшая женщина недоверчиво глянула внутрь.

-Никогда таких не видела,— удивлённо сказала она,— может, продадите одну? Они вкусные?

-Вкусные, вкусные! Очень вкусные, – облизнулась старшая кикимора.

Я вытащил рыбину. Она была огромная... реально огромная– в мешке она свернулась пополам, а теперь была почти с меня ростом. Женщина торопливо полезла за кошельком...

-Ну, что ещё продадим?– спросил я.

-А нам чего останется?– проворчала младшая,– половину продали уже...зато теперь денежки есть!

По дороге домой мы зашли в магазин, купили хлеба и конфет.

Ночью, выйдя покурить на балкон, я лениво подумал, что жизнь вроде как налаживается...наивный я, да?

История пятая. Визит дамы.

Я спросил:

– А почему вас люди не шугаются?

-Так мы же представляемся,– удивилась Дунька,– ты же видишь!

-Нет,– я опешил,– не вижу!

-А так?– влезла Акулька,– кошку видишь?

– Тебя вижу, а кошку– нет,– я внимательно всмотрелся в кикимору, Акулька и Акулька.

-Не получится,– вздохнула Дунька,– значит, ты нас всегда видишь, как мы есть, а не как представляемся, а другие нас не так видят. А если не хотим, так вообще не видят.

Зазвонил телефон. Моя подруга Маша вернулась из тёплых краёв и жаждала личного и тесного общения со мной любимым.

-Мань, – мне было жуть как неудобно,– я рад, но у меня того... обстоятельства...давай на нейтральной территории, завтра например, ну или послезавтра?

-Откуда у тебя обстоятельства,– не поверила она,– что, полный дом девиц нетяжёлого поведения? Не верю! Или как обычно, деньги кончились, не успев начаться, а пиво ещё раньше?

– Ну, понимаешь,– на меня нашёл какой-то ступор,– не могу я объяснить, в общем, ну, как бы это сказать...

– Не мямли,– отрезала Маша, – я не стиральный порошок, но я иду к вам!– и отключилась.

-Хозяин,– кикиморы смотрели на меня преданными глазами,– мы ни-ни! Мы тихо будем, мы понимаем! Тебе же надо...

-Чего?!– вспыхнул я.

-Жениться!– выпалила Дунька,– давно надо, чтоб хозяйка была!

– Ладно, хрен с вами,– я махнул рукой,– сидите в комнате и не отсвечивайте!

Я сбегал в ближайший магазин купил торт и бутылку красного сухого. На кухне накрыл стол доставшейся мне в наследство бабушкиной скатертью с вышитыми сорняками и репейниками в цвету, поставил два бокала и подсвечник с чуть оплывшей свечкой. Девушки вертелись под ногами, вздыхали и облизывались на торт.

В дверь позвонили.

-Кыш,– скомандовал я девушкам и пошёл открывать.

-Привет, Мань,— я чмокнул её и повёл на кухню.

-А ты не меняешься,— улыбнулась она, — как всегда, де-
журная романтика на кухне.

Мы сели за стол. Я оглянулся, вроде не видно никого.

-Ты чего дёргаешься?— Маша внимательно на меня по-
смотрела.

-Да так, ничего,— я вымученно улыбнулся. -Наверное по-
слышалось.

-Отощал совсем,— Маша посмотрела на меня через стекло
бокала,— вроде дальше некуда, но ты справился. Голодаешь
что-ли?

-Да нет вроде,— мне опять послышался подозрительный
шорох и я снова оглянулся— чисто,— лучше расскажи, где бы-
ла, что видела. Загорела, тебе идёт...

-Тебе правда интересно, или...?— поинтересовалась она.

-Или, — честно сознался я,— а потом интересно.

-Прямолинейный ты мой,— засмеялась Маша. Мы потяну-

лись друг к другу...

Под мойкой вдруг завозились, что-то звякнуло и по кухне поплыл неповторимый аромат уайт– спирита... Я подскочил к мойке и распахнул дверцу– конечно, они были там, на меня уставились четыре испуганных глаза.

– Вылезайте, изверги,– скомандовал я,– кайфоломщицы.

Они выбрались и встали около холодильника, переминаясь с ноги на ногу и глядя в пол. Вонь становилась всё сильнее, и я открыл окно.

– Это что?– наконец обрела дар речи Маша.

– Обстоятельства, Марья,– вздохнул я,– обстоятельства, аж две штуки. И чего вы туда полезли, а? Я вам где сказал сидеть?

– В комнате,– пробормотала Дунька,– и не отвечивать.

– А интересно же!– шмыгнула носом Акулька,– а бутылка кокнулась... ты нас теперь тоже выгонишь, да?

– Ты нас лучше побей, а потом прости,– предложила Дунька,– а мы больше не будем, правда!

-Сгиньте с глаз моих,— простонал я,— идите, переоденьтесь , одежду на балкон выкиньте, а я тут все вымою сейчас. И ужасы нечего выдумывать.

Они мигом вымелись из кухни.

-Прости, Марусь,— я виновато посмотрел на неё,— я тебя предупреждал...— и пошёл за ведром и тряпкой.

Я старательно выгребал из под мойки осколки бутылки, стараясь дышать через раз. Было неудобно, и к тому же Маша подозрительно долго молчала. Видимо явление обстоятельств повергло её в шок.

– А кто они вообще?— наконец пришла она в себя.

–Погорельцы, Марусь,— я отжал тряпку в ведро,— понимаешь, какое дело, сироты они, с дедом жили, а дед у них...— тут я вспомнил ехидного дедугана в лесу,— дед у них лесник...был короче, до пенсии, в лесу они жили, дом у них там был,— я снова отжал тряпку,— а прошлым летом, ну ты помнишь, леса горели, и торфяники тоже...

-Помню,— растерянно кивнула Маша.

-Ну вот, дом у них и сгорел,— я взял ведро и пакет с осколками, из ведра выплеснул в туалет, а пакет оттащил в мусоропровод, налил чистой воды в ведро и начал мыть заново.

-Дом, понимаешь, сгорел,— продолжил я,— а они по родне мыкались, бестолочи, дед-то вроде в дом престарелых, а эти как переходящее красное знамя, и документов у них нет, сгорело всё.

Я домыл и снова вылил воду. То ли я принюхался, то ли запах выветрился— непонятно.

- А ты-то тут каким боком?— подозрительно поинтересовалась Маша.

-Ну, дед ихний, он моей прабабке родня, соответственно и они мне тоже. Не то в пятом колене, не то в шестом, короче, нашему ухвату двоюродная кочерга,— я вздохнул,— ну не гнать же их на улицу, родню-то всю перебрали уже.

-А знаешь, что меня больше всего в тебе восхищает?— вдруг спросила Маша.

-Нет,— я поневоле заулыбался, ожидая комплимента.

-Вот сколько лет тебя знаю,— задумчиво сказала она,— и

ведь знаю, что ты врёшь, как дышишь, а дышишь часто, а всё равно верю почему-то! Даже когда ты говоришь, что ты– Раймон Седьмой , граф Тулузский– все равно верю, как дура! Хотя знаю тебя уже сколько? Двенадцать лет? Тринадцать? С художки ведь ещё!

–Маш,– я малость опешил от неожиданного наезда,– а когда я тебе врал-то? Ну, я конечно сочиняю иногда, но не все же время!

–А вот с этими девочками, врал ведь?– спросила Маша,– давай, говори правду!

–Мань, ты мне не поверишь,– конечно, правда была гораздо неправдоподобнее моего вранья.

–А ты скажи, а я решу, верить или нет,– настаивала Маша.

–Ну, понимаешь Мань,– я немного замялся, но решил рассказать всё, как есть,– они это, кикиморы. Нечистая сила, а я их пожалел, бродили у речки, голодные, к себе позвал...

–Хватит!– Маша вскочила из-за стола,– я тебе верила, но это уж извини , ни в какие ворота! Ты заврался совсем, Раймон Седьмой! Всё, долго я с тобой возилась, надоело! Ты же наверное и знать на знаешь, как правду говорить, ты вооб-

ще патологический врун и брехло! И не звони мне больше, знать тебя не хочу!

Я стоял, как помоями облитый. В кои-то веки я не соврал, а мне не поверили. Может она права, и я разучился говорить правду? Отвык не врать.

Громко хлопнула входная дверь. Я вздохнул, сел за стол и отхлебнул из бутылки. А потом ещё. А потом, чтоб добро не пропадало. А потом, чтоб не оставалось. А потом вино кончилось.

На телефон пришло СМС : «Я у Ларисы. Не звони мне никогда». Я знал, что позвоню завтра...или послезавтра. И меня, возможно, простят, но скорее всего не сразу.

Шкряб, шкряб— осторожненько, коготком по руке, потом по другой.

-Ну, чего, изверги?

-Хозяин, а хозяин...ушла, да?

-Ушла...

-А может тогда тортик съедим? А то испортится, жалко...

Я поднял голову. Девицы стояли с виноватым видом. Я не выдержал и засмеялся— они напялили мои старые майки и джинсы. Я то давно их списал в утиль, а они отыскали , и теперь выглядели, как два оборвыша.

-Ну, что с вами делать,— я аккуратно разделил торт на три части,— лопайте.

Перед сном я курил на балконе. Они тихонько просочились ко мне.

-Хозяин,— начала Дунька,— ты на нас сильно злой, да?

-Да нет,— я и в самом деле не злился,— мы помиримся через пару дней, не грузись.

-Жениться тебе надо, хозяин,— встряла Акулька,— а то один...мирись, и женись давай!

-Да ну вас,— засмеялся я,— свахи! Идите лучше спать.

Тогда я даже не представлял, что меня ожидает...и не только меня.

История шестая. С утра пораньше.

-Вставай!

Я засунул голову под подушку. Нашли дурака!

-Вставайте, граф, Вас ждут великие дела!

-Подождут, не переломятся,— я попытался прикинуться одеялом...открыть окопчик под простынёй...не вышло.

-Вставай немедленно!— блина...откуда здесь Марья? Она ж меня ещё не простила.

-Весь не встану, и не проси!— пробурчал я, вцепляясь в подушку.

-Водичкой полить?— а это уже удар ниже пояса. Потом что, подушку сушить? Я осторожно приоткрыл один глаз — и правда, Марья...

-Мань, ты откуда?— не понял я. Была некоторая надежда, что всё это сон. Чего с похмелья не привидится.

-Оттуда!— Маша похоже сердилась.

-Мань,— я разлепил оба глаза,— я может и встану целиком,

если ты с моих штанов слезешь. Или ты мне даже одеться не дашь, и у тебя есть планы о том, как грязно меня использовать?

-И не мечтай!— отрезала она,— разговор есть, приводи себя в божеский вид. Я не одна пришла.

И тут я окончательно проснулся.

-Как не одна? Почему? И как ты вообще сюда попала?

-С Ларисой. Меня девочки твои впустили. И как тебе, такому придурку, вообще детей доверили!

-А Лариса то— тут каким боком?— Что— то я совсем запутался.

-Понимаешь,— Маша виновато опустила глаза,— я наверное не права была вчера...зря на тебя наехала. Просто ты всегда чегонибудь сочиняешь, а я верю. А когда Ларисе рассказала, она говорит— вполне возможно, в прошлом году ведь целые деревни выгорали.

Я офигевал...Маня просит у меня прощения? Точно, где-то сдох здоровенный медведь, и не один. Обычно, независимо от причин ссоры я оставался виноватым, больше суток

выдержать не мог, начинал звонить и каяться, а потом меня милостиво прощали (и не говорите мне, что я– мазохист, сам знаю).

-Мань, я ж тебе правду сказал,– что именно было правдой, я благоразумно не уточнил,– погоди, я оденусь и поговорим. И зачем ты Ларису привела? Меня что ли боишься?

-Ещё чего!– Маша наконец встала, и я ухватил свои многотрадальные штаны,– ты что, забыл, она в школе работает! Поговорить с детьми твоими. Ты ведь даже не подумал, что скоро сентябрь, им же учиться надо!

Я схватился за голову. Вот ещё проблема...я как то даже и не задумывался– а может они вовсе неграмотные, какая у кикимор ещё школа. Свалились...на мою похмельную голову.

-Ну, так,– подытожила Лариса, когда я, относительно приведённый в человеческий вид предстал пред её светлые очи,– проблем у тебя куча, воз и маленькая тележка. Документов нет, это раз, в школу девочки практически не ходили, это два, и как тебе всё разгрести– абсолютно непонятно, это три.

Девицы сидели, понурые и виноватые. Они наверное поняли, что сглупили, открыв дверь.

-Ларёк, а теперь скажи мне чего-нибудь, чего я не знаю,— попросил я подхалимским тоном, — желательно позитивное.

-Тебе даже опекунство оформить не дадут,— добила Лариса,— разница в возрасте маловата.

-А может, какнибудь не оформлять?— спросил я,— ну, пусть так живут, что ли.

-А мы тихо будем жить,— встряла Дунька,— никто и не узнает!

-И не покажемся никому, правда!— Акулька умоляюще смотрела на меня,— ты нас только не выгоняй.

-А мы никуда можем и не ходить,— Дуньке идея явно понравилась,— зачем нам, мы тут жить будем, хозяйство вести...

- Про печку не заикаться!— предупредил я,— в квартире печки не ставят!

- Ты совсем тупой?— не выдержала Маша,— как это « так живут»? Им же учиться надо, документы делать. И вообще, почему они у тебя в каких-то обносках? Причём в твоих.

-Чего нашли, то и надели,— проворчал я,— нет у меня денег, на еду еле хватает. Вот кофе выпью и пойду долги собирать с народа. А то с голоду помрём. А вы пришли и детей пугаете, а они и так запуганные.

-Да...-Лариса тяжело вздохнула,— ладно, проконсультируюсь, придумаем чегонибудь. Давай, мы им хоть одежду приличную купим, Маш? А то граф совсем видать поиздержался.

-Сам куплю,— я не терял надежды, что меня таки оставят в покое, но Лариса очевидно имела в родословной танк Т-34, и пёрла напролом.

-Сам ты всё проедаешь, а теперь втрое больше проешь. У тебя отродясь денег не было, а что было, то ты мигом тратил на всякое говно. Так что не спорь. А вы не бойтесь,— она посмотрела на притихших девиц,— не обидим. У вас совсем ничего нет, что ли?

-Почему ничего?— вмешался я,— я им кеды купил! Чтоб босиком не ходили.

-На распродаже, по 150 рублей,— ехидно дополнила Маша,— где сам обуваешься.

-А откуда у бедного художника деньги?– парировал я. – и вообще, Марья, я их никак накормить не могу, а ты к кедам прикапываешься.

-А когда мы кушать будем?– почти шёпотом спросила Акулька.

-Сейчас, будете,– я налил в кастрюлю воды и поставил на огонь, пачкапельменей у меня была в запасе всегда. Ну, или почти всегда.

-А...а почему вы голодные сидите?– озадачилась Лариса,– сварили бы себе чего–нибудь.

-Мы не умеем,– чуть слышно призналась Дунька,– страшно...

-Мы печку топили, а дом сгорел,– вздохнула Акулька,– страшно теперь.

-Нет у меня печки,– я высыпал пельмени в кастрюлю,– а газа они боятся, не привыкнут никак. Я им наготовлю с утра и на работу ухажу. Кстати, ни у кого подработки нету? А то чего-то с деньгами напряг у меня. Может кому ремонт надо...косметический?

-Вроде нет,— Маша задумалась,— я спрошу.

Я разложил пельмени в две тарелки и придвинул девицам. Они как всегда накинулись на еду. Гости с удивлением наблюдали за процессом исчезновения пельменей, сопровождающимся чавканьем и хлюпаньем.

-Ты их что, голодом морил?— спросила Лариса, тоном нет предвещающим ничего хорошего.

-Ларёк, ты за кого меня держишь?— возмутился я,— они всегда так едят. Я ж говорю, никак накормить не могу! Потому и денег нет.

-А сам— то чем питаешься?— забеспокоилась Маша.

-Что останется, то и ем,— пригорюнился я,— по мне что, не заметно?

-Да ты всю жизнь скелет,— парировала Лариса,— у тебя вместо телосложения сплошное теловычитание!

-А чего ты рисуешь?— Маша наклонилась ко мне. Я машинально набрасывал на попавшем под руку листке всё, что в голову приходило: Акульку с пельменями, кошачью голо-

ву с зубастой улыбкой, Дуньку, задумчиво грызущую ложку, Машин профиль...

-Ты чего курил, а?– я посмотрел на Ларису, она тоже уставилась на листок.– точно, Маш, граф совсем плох– на травку подсел, если не хуже– чудищ рисует!

До меня дошло– я нарисовал девчонок так, как я их видел– с игольными зубами и когтями...проколотся, однако!

-Я художник, я так вижу!– попытался отговориться я. Не вышло.

-И давно ты с этой дрянью связался?– Маша забеспокоилась,– недавно, я б заметила, может ещё не поздно...

-Мань,– я взвыл,– да ты что! Я что, по– твоему, идиот? Да и денег у меня нет! И вообще...

-Ой, как похоже!– Акулька выхватила злополучный листок,– Дуньк, гляди! И кошка прям как я показываю!

-А говорил, кошку не видел!– развеселилась Дунька,– а вон она. Кошка-то!

-Какая кошка, кто показывает! Объясни уже!– потребова-

ла Лариса.

-Мань, Ларёк, вы только ногами меня не бейте,— попросил я,— сначала молча выслушайте, до конца.

И я изложил им всю летне— кикиморную эпопею. Девчонки кивали, изредка подавая реплики.

-Не верю,— вынесла вердикт Лариса,— врёшь, как всегда. Хотя...-она подошла к мойке и, открыв дверцу, заглянула в шкафчик.

-Выветрилось уже,— пробурчал я.

-Как они туда поместились, а?— Лариса посмотрела на девиц. Те старательно прикидывались частью интерьера.— Маш, или ты курила вместе с графом, или наш Раймон ради разнообразия нам не соврал.

-Да мамой клянусь, не врал я!

Маша тоже заглянула под мойку.

-А я вчера даже не подумала, прости меня!— вид у неё был виноватый.

-Вот,— обиженно протянул я,— не думают оне! А потом на честных графьёв танком наезжают!

-Но должно же быть рациональное объяснение!— не сдавалась Лариса.

-Ларёк, когда ты его найдёшь— обязательно мне расскажи,— улыбнулся я,— а пока мы имеем то, что имеем. И, Мань...я не обижаюсь. Если бы мне кто такую историю рассказал, я б наверное тоже не поверил, честно!

-Ну, и в любом случае,— не сдавалась Лариса,— девочкам нормальная одежда нужна, а не твои штаны, над которыми ты ещё в училище измывался. И не выкинул наверное потому, что дороги, как память! Так что собираемся и вперёд!

-Ща, кофию выпью...-я знал, что она не отстанет. Впрочем, никто и не возражал. Я заранее готовился к весёлому времяпрепровождению. И не я один.

История седьмая. Магази́нная.

Я медленно плелся позади всех. Меня таки вытащили за

покупками, мотивировав моё участие тем, что кто– то же должен будет нести сумки. В итоге я сдался, и вот теперь, тихо матерясь про себя, соображал, как бы половчее отделаться от обременительных обязанностей.

-Слушайте,– сказал я,– а может, вы всё купите. А я пока на улице покурю? Сереге позвоню, чтоб долг отдал, может, и деньги с него получить успею?

-Самый умный, да?– хмыкнула Маша.– звони, пусть привозит сюда. А то вдруг нам не хватит! И пошли с нами, подсказывать будешь.

-Да чего я вам подскажу,– заныл я. Я терпеть не мог походов по магазинам, искренне не понимая, как можно получить от этого удовольствие,– купите им по джинсам и по паре маек, джинсы– они и в Африке джинсы!

Я оглянулся. Девчонки стояли, как зачарованные, глядя на витрину свадебного салона.

-Хозяин...– восхищенно выдохнула Дунька,– а на вот такое у нас денежек хватит? Мы можем по очереди носить.

-И больше ничего просить не будем!– поддержала Акулька,– только покушать.

-У хозяина вашего в кармане дырка,— безапелляционно заявила Лариса,— а такое платье на один день покупают. Когда замуж выходят. И больше не одевают, так что пошли дальше. Где нормальная одежда.

Девчонки с тяжкими вздохами оторвались от витрины, и мне стало их жаль— такая мечта рухнула.

-Вот,— Лариса подтолкнула девчонок,— подходящий магазин, граф, небось тут и отоваривается.

-И чего?— фыркнул я,— магазин распродаж, нормально и не дорого!

-А можно это?— в руках у Акульки оказалась майка кислотно— розового цвета, размера эдак пятидесятого.

-Можно,— быстро сказал я пока не вмешались иконы стиля,— только поменьше найди, чтоб на тебя была.

-Ты что,— Маша дёрнула меня за рукав,— это ж ужас!

-Зато видно издалека будет,— улыбнулся я,— не потеряются! Они же дети, пусть носят. Не в полтинник же такое надевать.

Девчонки с ворохом одежды пошли к примерочной. Лариса с Машей – за ними. Я тоже – поддержать морально.

Вдруг у меня в кармане зазвонил телефон. Я посмотрел – нечаянная радость, должники проснулись. Звонил как раз Серёга, который полгода назад занял у меня денег на месяц.

-Никак долг отдать хочешь?– елейным голосом спросил я.

-Понимаешь, какое дело,– замялся Серёга,– я тут вот...

-Не понимаю,– у меня сразу испортилось настроение,– мне срочно деньги нужны! В течении получаса, вот! Если не привезёшь, меня сожрут, причём в прямом смысле.

-Никак, вот хоть застрелись,– Серёга явно не хотел расставаться с деньгами. В трубке кто-то отчётливо мурлыкнул.

-Хоть стреляйся, хоть вешайся, мне по фиг, если деньги у меня появятся.– Я твёрдо решил стрясти с него своё бабло.

-Ну, поимей совесть, я не могу, занят я,– не терял надежды Серёга.

-Сам её поимей, судя по звукам она у тебя уже готова к

процессу, – буркнул я, – а мне детей надо кормить, так что гони деньги! Жду тебя в торговом центре, у твоего дома, стою у примерочной в магазине распродаж. Если не придёшь, сам припрусь, с женами и детьми, мало тебе не покажется. А совести твоей расскажу, что ты двух жён с детьми бросил, и теперь они к тебе пришли по алименты. И мне поверят, а ты будешь в глубокой заднице.

-Твою мать, граф, скотина ты! Сейчас принесу, – разозлился Серёга. Я отключился. Телефон зазвонил снова.

-Чё непонятно? – рывкнул я в трубку.

-Извините... – человек явно растерялся. Я взглянул на номер – блина! Это был мой последний заказчик.

-Извините, я Вас не узнал, – надо было срочно исправлять положение, нормальный мужик, и не расплатился ещё к тому же.

-Я понял, – усмехнулся он, – я собственно по оплате, может Вам удобно сейчас в ТЦ... подъехать? Я как раз деньги снимаю и с Вами могу рассчитаться.

-А я как раз здесь и нахожусь, – какое совпадение! – На первом этаже, магазин распродаж.

-Я сейчас спущусь, подождите минут двадцать.

А жизнь-то налаживается, лениво подумал я.

-Хозяин, я красивая?

Я оглянулся— Дунька, в майке цвета «оранжевый вырви-глаз» и в юбке расцветки «в бешеный цветочек».

-Офигительно красивая,— улыбнулся я.— Оставляем!

-Ты с дуба рухнул, что ли!— прошипела Маша.— это ужас кошмарный!

-Марья,— примирительно сказал я,— это ты просто привыкла, дресс— код, белый верх, чёрный низ. Дай детям оторваться! Пусть порадуются.

-Вкус должен быть!— не сдавалась Маша,— хотя что с тебя взять, ты всю жизнь в рванине ходишь! Одни джинсы чего стоят. А когда учился, вообще...-она картинно закатила глаза.

—Не вообще, а «неординарное дизайнерское решение»,— обиделся я. —Я между прочим всю ночь штаны до ума дово-

дил! Резал и красил, а ты!

-А ты тогда моих родителей до обморока почти довёл, когда в таком виде в гости явился,— фыркнула Маша,— ещё полголовы выстриг и оставшуюся в жуткий цвет выкрасил!

-Имею право на самовыражение,— уступать я не хотел. Уступи ей один раз— потом всю жизнь будешь в костюме—тройке ходить.

-Да уж...ты тогда шикарно самовыразился,— Маша криво усмехнулась,— зима, минус двадцать, а у тебя в дыры голые коленки сверкают. И серьги ещё в обоих ушах. Бабушка потом пол мыла, как ты ушёл, чтоб не приходил больше.

-Меня такими пустяками не отвadiшь!— гордо заявил я,— тем более твоя бабушка такие пироги печёт...

-Вот, вот, она потом долго вспоминала, как ты её печиво лопал,— Маша уже смеялась вовсю,— говорит: «Парнишка-то совсем видать оголодал, и денег нет на нормальную одежду!»

Я посмотрел вокруг. Увидел своего заказчика, и пошёл к нему навстречу. Мы рассчитались, и расстались вполне довольные друг другом.

Я пошёл к кассе, девчонки и Маша с Ларисой подошли туда же.

-Выкладываете, я плачу,– теперь я вполне мог позволить себе широкий жест,– а потом можно поехать куда-нибудь.

-Граф никак кого-то ограбил,– скептически заметила Лариса.

-Заработал!– фыркнул я, -т тебе, Ларёк совсем невдомёк, что деньги ещё и зарабатывать можно! А вот и жертва...

К нам направлялся мрачный и злой Серёга. За ним, с не менее мрачным выражением лица топала незнакомая девица на высоченных каблуках.

-На свои копейки,– он сунул мне пачку денег,– гад!

-Сам ты гад,– у меня заработала фантазия, и сдерживаться я не хотел,– что и совесть привёл?

Подтянулись Дунька с Акулькой, они переоделись, и теперь от их кислотных нарядов ломило глаза.

-А знаете,– обратился я к девице,– что он вот этих двух детей фактически без пропитания оставил! Я последние день-

ги на сироток трачу, а он совершенно забил, а ведь не посторонний человек-то!

-Заткнись, трепло,— Серёга схватил девицу и потащил к выходу.

-Погоди, погоди,— крикнул я вслед, но он мчался прочь. На душе у меня стало совсем хорошо.

Ну, а что? Имею право на моральное удовлетворение!

История восьмая. Проблемы социализации.

Я сцапал поющий о демоне, приходящем в сны, телефон и злобно прошипел:

-Кому не спится в ночь глухую?

-Ты что, озверел? Девять утра!— жизнерадостно заявила Лариса,— у меня есть предложение!

-Ларёк, я сплю,— я не мог даже глаза открыть, не то что предложения выслушивать,— перезвони вечером, а? Будь человеком!

-А теперь быстро проснулся и слушай сюда!— точно... танк

по имени Лариса...-сейчас ты встал, умылся, побрился, оделся как можно приличнее и бегом ко мне на работу!

-Что ты ко мне пристала, я после обеда проснусь и приеду. Ремонт, что ли?

-Лучше, давай быстрее! И штаны целые надень, без дыр! Есть у тебя такие?

-Аж двое, а чё?

-Не чёкай, жду через полчаса! Паспорт возьми, иначе охрана не пропустит. Скажешь, что ко мне. И диплом захвати о вышке.

Интриганка, мля ... разбудила в несусветную рань... Я поплёлся на кухню, поставил чайник, потом воду на макароны. Потом умылся и побрился, соответственно указаниям. Сварил макарон, нарезал колбасы, выпил чашку кофе. Заглянул в комнату— девчонки спали на диване. Не стал их будить, оделся в мастерской и поехал к Ларисе.

Охранник в школе посмотрел на меня, как на чудо невиданное. Я быстренько прикинул про себя— джинсы не рваные, берцы тоже относительно приличные, и не до колен, а вполне умеренной высоты, рубаха чистая, майка тоже, воло-

сы забрал в хвост...серьги забыл снять, но про них Лариса не говорила...вроде нормально выгляжу, даже слишком, по-моему.

-Какой класс?

Я растерялся...откуда я знаю какой? Я вообще тут в первый раз. И в этот момент я понял, что не знаю Ларискиного отчества, следовательно, сказать охраннику к кому я пришёл не смогу.

-Классный руководитель кто, ты за учебниками пришёл?

-Нет, мне бы Ларису...– я отчаянно пытался вспомнить отчество. В голову лезла всякая чушь.

-;Какую Ларису?– теперь он смотрел на меня с подозрением.

-Понимаете,– задушевым тоном сказал я,– у меня двое детей. Совершенно очаровательные девочки, и на улице они увидели женщину, которая гуляла с котом на поводке. Им так понравился кот, что они решили завести такого же, но подойти к женщине побоялись, а она разговаривала по телефону с подругой, которая работает в школе...

-И что, все школы в городе обходить?— не поверил охранник.

-Ваша последняя осталась,— вздохнул я,— дети— они такие дети...опять же сироты, ни отца, ни матери.

-А ты кто?— растерянно спросил охранник.

-Я опекун,— почти не соврал я,— я их это, уматерил, то есть удочерил.

-Явился, наконец-то!— Лариса вышла из коридора,— так и знала, что уже кому-то мозги полощешь своими рассказами. Это ко мне, пошли, давай!

-Ларёк, чего ты меня выдернула в такую рань?— проворчал я.

-Так, слушай меня, человеком станешь,— Лариса была настроена решительно.— Тебе детей надо пристроить? Надо. Учебный год через две недели начнётся, классы везде сформированы и лишнего человечка пропихнуть почти нереально. Но! Есть идея. У нас педагога ИЗО и МХК сейчас нет, в декрет ушла. Ты устраиваешься на её место, детей берут в школу, и всем хорошо! Только документы им надо...

-Ларёк, очнись!— я протянул руку и немного потряс Ларису,— из меня педагог как из говна пуля! Ты на меня посмотри, кто меня на работу возьмёт в школу?

-А зафиг ты пед заканчивал, а? Чтоб потом шабашками кормиться?

- Потому, что там военная кафедра была! А по диплому я ПДО, а не преподаватель ИЗО и МХК!

-Да всем плевать! Образование профильное есть, год поработаешь, соответствие сдашь, ничего страшного! Пошли к директору, только побрякушки свои сними— она у нас дама старорежимная, не поймёт.

-Танк останови,— хмыкнул я,— и головой подумай. Во-первых меня не возьмут, во вторых— откуда у кикимор документы? Леший им что ли свидетельства— паспорта выдавал? Или водяной?

-А ты не паникуй раньше времени. Смotalся бы в сельсовет, да выяснил, что к чему. И вообще— не ной, граф! Пошли, поговорим.

Директор, дама в возрасте, похожая на индейского вождя без перьев, по— моему, была несколько ошарашена моим ви-

зитом. Во всяком случае, водой поперхнулась вполне натурально. Но, видимо, кадровый вопрос стоял слишком остро—она даже решила взглянуть на мой диплом.

—А как насчёт детей?— поинтересовался я.

—Понимаете,— она несколько замялась, — классы сформированы, но для детей наших сотрудников мы можем сделать исключение...пойти навстречу...

—Ну, это как бы не мои дети, ну сейчас мои, но ...— что то я запутался, надо врать— у меня это лучше всего получается,— тут видите ли какая история...— я предусмотрительно отодвинул ногу в сторону, и Лариска промахнулась, хотя...чего я боюсь— я ж в берцах.

Зазвонил телефон, и дама отвлеклась от беседы.

— Ты опять?— прошипела Лариса,— не ври!

— Отстань, Ларёк, ты меня вообще заочно в рабство запродала,— так же шёпотом ответил я,— теперь моя очередь выкручиваться! Не рассказывать же, как на самом деле дела обстоят! И не пинайся, мне пох— я в берцах!

—Думаю, Ваша квалификация нас устраивает,— улыбну-

лась мне директор, оторвавшись от телефона,— пока девятый разряд, на следующий год можно на соответствие сдавать, и сколько Вам ставок? Полторы, две? А может классное руководство? На следующий год, конечно?

Я совсем офигел... неужели совсем некому работать, раз даже меня берут и две ставки предлагают?

-Ну...— я честно, растерялся,— если вы моих детей берёте, то я могу...

-Лариса Владимировна нам Вас очень рекомендовала,— расплылась в улыбке директор,— а детей приводите, посмотрим.

-У нас с документами проблемы,— предупредил я,— и учились они...не учились, в общем.

-А младшую девочку я могу в свой класс взять, по возрасту как раз подходит,— вмешалась Лариса.

-Вы приводите детей, мы побеседуем, предварительно запишем в школу, а потом документы донесёте,— интересно, что ей Ларёк наговорила, что эта мадам в меня так вцепилась?

-Можно прямо сейчас их привести?– спросила Лариса,– они тут недалеко живут.

-Да, конечно, а я пока приказ подготовлю о приёме на работу.– директор застучала по клавишам компьютера.

Мы вышли из кабинета.

-Тебе что, работа не нужна, чего рожу корчил?– накинулась на меня Лариса.

-Ты меня в рабство продала! И даже не предупредила!– парировал я.

-Так бы ты и пришёл, если бы предупредила! А детям в школу надо!

-Придумал бы что-нибудь,– отмахнулся я,– чего с документами-то?

-Расспроси их, где мать, отец, кто знает, и шевелись. Времени мало совсем осталось!

-Без тебя знаю,– мне стало как то совсем грустно,– Ларёк, и чё делать?

-Снять штаны и бегать,— фыркнула она,— я тебя так директрисе расписала, что теперь ты просто обязан вырастить целую школу Микеланджелов и Леонардов. Так что давай, вперёд и с песней!

Мы подошли к выходу. Охранник сидел за своей конторкой.

-Лариса Владимировна, а это...

-А это наш новый учитель рисования,— Лариса улыбалась как чеширский кот.

Охранник благоразумно промолчал.

История девятая. Проблемы социализации-2.

Я вытащил телефон и набрал Машин номер, мне просто необходимо было пожаловаться.

-Мань, солнце моё, ты в курсе, что Ларёк меня в рабство продала?

-А что, ты недоволен?— удивилась Маша,— она мне ещё вчера сказала. Тебя берут, да?

-Там видать совсем плохо,— вздохнул я,— раз даже меня

берут! А у меня и судимости нет, чтоб отмазаться.

-Не выдумывай,– засмеялась Маша,– поработаешь, втянешься! Я тебя знаю, ты сможешь.

-Марья, я ж на второй день всех поубиваю и сам повешусь! Меня в больших дозах никто не выносит, и вообще – я по жизни псих-одиночка!

-Ну я же тебя сколько лет терплю!– не согласилась Маша.

-Ты привыкла уже,– проворчал я.

По дороге к дому я заводился все сильнее, и на подходе к квартире почти бежал. С размаху открыл дверь, влетел в прихожую и навернулся, больно приложившись задницей об пол а головой и спиной– о шкаф с одеждой.

-Ой, хозяин,– с кухни выскочили обе кикиморы,– а мы пол мыли...а ты упал? Больно?

-Мать вашу...– простонал я,– кто ж так моет-то!

Пол был скользкий, мокрый. Кое– где стояли лужицы, пахло стиральным порошком. Я приземлился аккуратно в самую большую лужу. Девицы, охая и ахая, принялись меня

поднимать, я кой– как встал на ноги.

-Так, а теперь налили в ведро воды и вытерли всё! Чтоб не скользко было. А потом– насухо.

Они дружно закивали головами и умчались исполнять мои указания, а я по стеночке поплёлся в свою мастерскую, переодеваться. В мокрых джинсах мне было несколько некомфортно.

В дверь пошкрябались.

-Хозяин, а хозяин!

-Чего, убивицы?

– Ты сильно злой, а?

-Да нет,– а чего злиться? Сам виноват, нечего летать, надо под ноги смотреть.

-Мы вытерли, как ты велел. Пойдём кушать?

-Сейчас, выйду, только переоденусь.

Я вышел из комнаты, громко охая и демонстративно при-

держивая руками пострадавшие части тела. Девушки стояли, как на карауле, у моей двери, и чуть не плакали.

-Хозяин, больно, да?

-Переживу,– я выпрямился и засмеялся.– В следующий раз вытирайте, а то я могу низко лететь, а падать– больно.

-А ты летать умеешь?– они смотрели на меня с восторгом.

-Умею,– подтвердил я,– только недалеко и очень низко.

Мы пили чай, и я спросил:

-А всё -таки, если хорошо подумать – документы у вас были какие –нибудь? Зелёенькая такая бумажка...или голубая, свидетельство о рождении называется?

-Не знаю,– Дунька призадумалась,– дедушка наверное знает.

-А мать ваша где?– я твердо решил выяснить всё.

-А она ушла,– Акулька шмыгнула носом,– ушла куда-то...

- А отец?– я не сдавался.

-А он это,— Дунька пригорюнилась,— он приходил, а потом мама ушла. Он когда приходил, потом Акулька родилась, а потом приходил, а потом мама ушла.

-Не понял,— признался я,— два раза только и приходил?

-Три, — пояснила Дунька,— в первый раз я родилась. А потом он маму звал, а она не пошла, а потом ушла. А нас дедушка не пустил.

-Ага,— поддержала сестру Акулька,— он говорит— бери детей, а дедушка на него страх нагнал, и нас не пустил. А мама сама ушла, обещала что придёт. Только её наверное дедушка не пускал, он может.

-Так, с родителями разобрались,— вздохнул я,— а в школу вы не ходили совсем?

-Почему не ходили. Ходили!— обрадовалась Акулька.— в Шишигине школа, мы осенью ходили и весной ходили. А зимой не ходили, холодно и снегу много.

-Там два учителя были,— похвастала Дунька,— и директор! А мы хорошо учились. Если бы и в зиму ходили, так ещё бы лучше учились. Там наших много было, пятеро или шестеро.

Ну, и люди тоже. Два класса было, помладше и постарше. Нас дедушка привёл, сначала меня, потом Акульку.

-Значит, есть документы,— обрадовался я,— а теперь будете в другую школу ходить, тут недалеко. А я там работать буду. Сейчас одевайтесь и пойдём, посмотрим, что к чему.

Мы подходили к школе, и я чувствовал, что кикиморки мои боятся. Они смотрели на меня жалобными глазами и уныло вздыхали. Наконец Дунька решилась:

-Хозяин, страшно! Вон какая большая школа, и наших, наверное, нету...

-Я есть,— успокоил я,— и нечего бояться! А кстати, это ваше Шишигино где находится вообще?

-Так вот Горелые Выселки,— затараторила Акулька,— а там через лес, потом за пруды, потом болотом, по тропке, а там поле и Шишигино! Или по дороге ехать, а за поворотом на Городеньё ещё поворот, от него потом лесом дорога, только там кружит, лучше от Выселок идти.

-Кто кружит?— не понял я, — дорога?

-Не,— засмеялась Дунька,— дедушка! Он кто ему не нра-

вится, так и кружит. А от Выселок меньше, ему за Городеньем лучше нравится!

Охранник снова воззрился на меня. Я понял, что прилично в его глазах выглядеть уже не буду никогда, и смирился с этим фактом. Потом сообразил, что в расстройстве чувств надел свои любимые джинсы, которые Маша окрестила «дрань, пьянь и рвань», но отступить было поздно.

-Мы к директору,— я широко улыбался, чтоб меня не заподозрили в злых умыслах.

-Проходите,— охранник обречённо махнул рукой. Ну, что, привыкай, друг...теперь ты меня часто будешь видеть— можно сказать каждый день! И я не всегда буду так хорошо одет, как сегодня.

Выслушав наш стон на реках вавилонских, директор вручила мне кучу бумаг, которые надо было оформить, перечень справок, которые надо было получить, и учебный план, с которым надо было ознакомиться и принять во внимание. Потом стала искать в интернете электронный адрес школы в Шишигино, не нашла и со вздохом сказала:

-Видимо, придётся Вам туда съездить, скорее всего, там просто интернета нет, а почтой запрос долго идёт. Я откреп-

ление напишу, а они пусть подтвердят, и копии документов Вам выдадут . Лучше всего дедушку найти, я так понимаю, он официальный опекун, и с ним эти вопросы как-то решить.

С тем мы и вышли от директора.

-Ты чего напялил свою рванину,– Лариска...

-Ларёк, ты не поверишь,– я глубоко вдохнул, и начал,– понимаешь, теперь же везде дресс-код., так вот, преподаватель ИЗО просто обязан вот так вот одеваться, чтоб значит соответствовать, а тебе тоже вот выдадут костюм, я образец у директора видел, значит платье в пол, серое, фартук белый с карманами и чепец кружевной.

-Сам ты чепец кружевной,– фыркнула Лариса,– а с вами что?

-А с ними всё нормально, завтра за документами поеду в их старую школу,– доложил я.

-Один поедешь?– подозрительно поинтересовалась Лариса.

-Если никого с машиной не найду, то один, а что?

-Я могу Игоря спросить, может, он свободен будет, с Серёгой я так понимаю, вы теперь долго общаться не будете?

-Пусть с совестью своей общается,— буркнул я,— она у него на редкость общительна и привлекательна. На любителя, конечно.

— А мы с тобой поедем?— спросила Дунька.

— Как хотите,— в принципе я был не против, но мало ли, чего там от зловредного дедушки ждать,— можете ехать, можете не ехать.

-Надо ехать,— вздохнула Акулька,— а то дедушка тебя заводит может. А с нами не заводит.

-Ну, договорились, завтра и съездим,— я решил не откладывать дело в долгий ящик. Да и потом, ну что там такого в этом Шишигине? Ничего особенного, надеюсь...

История десятая. Деревня Шишигино.

Я с трудом открыл глаза и медленно вылез из— под одеяла. На улице моросил противный мелкий дождичек, хотелось нырнуть обратно в тёплую постель и не вылезать оттуда, по крайней мере два ближайших дня.

-Хозяин,— тихонько из-за двери.— Ты спишь, да?

-Не сплю,— пробурчал я, бросая печальный взор на кровать. Пришлось одеваться, умыться, и топтать кормить прожорливых девиц. Накануне перезвонил Игорь, и дико извиняясь, сообщил, что в ближайшее время он ну вот совсем никак не сможет отвезти меня в деревню Шишигино. Другие варианты тоже отпали.

-Собирайтесь, как раз на электричку успеем,— сказал я кикиморам,— если не передумали ехать.

-А можно мы нарядимся?— они смотрели на меня умоляющими глазами.

-Холодно, замёрзнете,— я поёжился.

-А мы сверху чего-нибудь оденем,— тут же нашла выход Акулька,— ну можно, хозяин?

-Дело ваше, только не болеть у меня,— что— то я сомневалась, что они простудиться могут...

Мы вышли на станции и бодро двинулись в сторону Горелых Выселок. Девы мои шли, задрав носы и сверкая кислотными майками из— под купленных мной накануне ветро-

вок. В лесу я то и дело оглядывался, мне казалось, что дед прячется за каждым кустом. Девушки радостно ойкали и смеялись.

-Чего вы ржёте?— недовольно спросил я,— делом бы занялись, что ли.

-Каким, хозяин?— их мордахи сияли от удовольствия.

-Грибов наберите, дома пожарим с картошкой,— я вытащил из рюкзака два пластиковых пакета.

-Да это разве дело,— засмеялась Дунька,— это мы мигом!

Мы только подошли к болоту, а пакеты были набиты грибами под завязку.

-Вон поле, а вон там Шишигино!— радостно заявила Акулька, указуя рукой вдаль. Я присмотрелся— нифига не видно. Поле и поле, а что за ним, хрен знает, может и Шишигино.

-Веди, Сусанин,— хмыкнул я.

Мы пошли по еле заметной тропинке через поле. Вдруг трава заколыхалась, и перед нами выскочил какой-то серый

клубок... или смерчок. Я проморгался – мальчишка, лет тринадцати, растрёпанный, в пыльной одежде, босой.

-Ой, Тимоха,– обрадовались девчонки,– хозяин, это Тимоха. Он полевик! Тоже в школе учиться!

-Да уж вижу,– я улыбнулся, мальчишка выглядел забавно, и не казался опасным. –А я Раймон Седьмой, граф Тулузский.

-Не слышал,– растерялся мальчишка,– я слышу, идёт кто-то, ну и посмотреть, значит...

-А мы теперь в городе будем жить!– выпалила Акулька,– у хозяина! А он нас кормит и наряжает!

-Повезло,– Тимоха покачал лохматой головой,– а я б не смог, мне поле надо. А чего вы в Шишигино идёте?

- В школу, документы забрать,– пояснил я,– не знаешь, директор на месте?

-А где ей ещё быть?– удивился Тимоха,– только вы там это...поосторожнее, она ух какая!

-А граф сильнее!– гордо заявила Дунька,– ему уже почти

восемьсот лет, и он летать умеет!

—Ну да,— усомнился Тимоха,— человеки не летают, и мы тоже...ну не все.

—А я невысоко,— пояснил я,— только это тайна, покрытая мраком, понял, голова два уха?

—Ага,— серьёзно кивнул Тимоха.

Мы наконец вышли к деревне. На первый взгляд, довольно большая, дома ухоженные. На улицах безлюдно. Навстречу нам попалась только старушка во фланелевом халате и валенках.

—Вот школа,— Дунька нервно махнула рукой в сторону двухэтажного рубленого дома. Я подошёл поближе. Перед крыльцом клумба с яркими цветами, две лавки. Земля в школьном дворе утоптана до твердокаменного состояния. Дорожка, ведущая к крылечку, выложена тротуарной плиткой.

—Ну, чего?— повернулся я к девицам. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, и смотрели в землю.

—Это, хозяин, может мы тут, а?— пробормотала Дунька,—

боязно...

-Ну, посидите,– великодушно разрешил я. Я никакого страха не чувствовал.

Я поднялся на крыльцо и вошёл в школу. Тишина, пустота. Выбеленный потолок, белые двери, стены выкрашены в голубой цвет. На ближайшей двери табличка «Канцелярия», под ней «Директор». Я постучал и вошёл.

-Здравствуйте!

-Здравствуйте,– за столом сидела дама в возрасте, седые волосы собраны в пучок, узенькие очки не прикрывают пронзительных глаз,– Вы ко мне?

-Ну, если Вы директор, то к Вам.– я сел на стул, стоящий около стола и постарался улыбаться как можно искреннее. Дама посмотрела на меня с некоторой долей удивления, и я подумал, что малость переборщил с искренностью. Наверное, я был похож на дурачка.

-По какому вопросу?– на лице дамы обозначился явный интерес. Ох, не нравится она мне, смотрит как-то плотядно!

Я постарался как можно более сжато и информативно из-

ложить суть дела. Достал из рюкзака прозрачный файл с листочком, выданным мне в моей школе. Потом предъявил свой паспорт— а что, мне скрывать нечего, я не маньяк какой—нибудь.

Дама внимательно изучила мои бумаги, потом спокойно шлёпнула печать на листке и размашисто расписалась. Протянула всё мне. Я немного опешил, убрал листок обратно в файл и хотел встать, но она вдруг спросила:

-Может пообедаете? И баня сейчас истопится.

-Да нет,— я совсем обалдел— что, вот так сразу в баню?— Вы уж извините, я спешу. На электричку можем опоздать. И нам ещё бы дедушку найти.

-А куда спешить? Переночуете, а завтра, с утра пораньше...

-Да нет, спасибо, конечно, завтра на работу надо!— я понял, что надо уносить ноги— вот ведь маньячка! Дама широко улыбалась, зубы у неё были крупные, белые, верхние клыки заметно выдавались. Я вскочил и пошёл к двери.

-Подождите, молодой человек,— она встала из— за стола, и подошла ко мне, заметно прихрамывая и опираясь на палку

с костяным набалдашником. –Зачем Вам дедушка? Сейчас мы вам сделаем копии свидетельств.

Она вышла из кабинета, я за ней. В предбаннике на столе стоял компьютер и принтер. «А электронного адреса не нашли», мелькнуло у меня в голове.

Дама достала из шкафа толстенную папку, из неё две тонких.

-Вот, личные дела,– она задумчиво взвесила их на руке. Потом снова уставилась на меня, улыбаясь вполне людоедской улыбкой.

-Знаете,– вдруг сказал я,– как часто вещи видимые совершенно не совпадают с действительностью? И видение того или иного предмета зависит от личности смотрящего.

-Что?– она заморгала глазами. И тут, честное слово, я не знаю, что на меня нашло, но я схватил эти несчастные личные дела, и пулей вылетел из кабинета, пробежал по коридору, с пинка открыл дверь и спрыгнул с крыльца через все пять ступенек. Я стоял перед школой, с бешено колотящимся сердцем и сжимал в руках две картонные папочки.

-Граф! Хозяин!– кикиморы бросились ко мне с визгом и

повисли у меня на шее,— ты вернулся!

-А вы чего ждали?— ехидно спросил я.— Что меня съедят и косточки обсосут?

-Ты знал, да?— удивился Тимоха.

-Я всезнающий,— ухмыльнулся я,— поживи с моё, и не то узнаешь.

Дверь открылась. Дама стояла на крыльце и смотрела на нас не слишком ласково. Я быстренько сунул документы в рюкзак.

-Прощайте, госпожа,— я поклонился,— надеюсь на скорую встречу! Вернее совершенно на неё не надеюсь.

-Ну, ну...-она криво улыбнулась,— везуч и хитёр. Удачи, граф!

Мы выходили со двора победителями.

На электричку мы успели в самую последнюю минуту. Хорошо, что я всегда беру сразу и обратный билет— касса на станции была закрыта.

История 11-я. Ремонтный блюз.

Я с тоской глядел на кабинет. Большой, светлый... на этом положительные моменты заканчивались. Похоже, что сюда просто стаскивали всю мебель, так или иначе приходящую в негодность. Потолок в трещинах, стены мерзко-зеленого казённого цвета, на полу горбатый линолеум, местами протоптанный до дыр. Довершали картину два шкафа, выкрашенные в синий цвет масляной краской. О том, что там внутри думать не хотелось, наверно пособия, что ещё дедушку Ленина помнят... а то и отца его, вроде тоже в школе работал.

-Ну, вот, Вы тут немного приведите в порядок,– директрисе похоже тоже было не по себе,– Вы же можете, у завхоза краска есть, а мы Вам помощников дадим, у нас старшекласники, практика... а мебель мы потом заменим, а в каникулы линолеум привезут.

-Тут столько дел, я и до зимних каникул не успею, если по уму делать,– задумчиво сказал я.

-Да Вы немножко,– директриса вцепилась в меня, как клещ,– а потом уж как следует, тут ведь только потолок, ну, и парты помыть, а так вполне можно заниматься. А на стены можно плакаты повесить. А я вам мальчиков пришлю, парты

вынести, а Вы потолок, а?

Я только вздохнул. Деваться было некуда, время поджигало, я прикинул— две недели... потолок и стены— заниматься в такой казарме я бы в жизни не смог.

Я оглянулся— девицы стояли у двери.

—Так, командовал я,— время не ждёт, переодевайтесь и начинаем, а я к завхозу, посмотрю, что у него есть.

—У Тамары Петровны всё есть,— заулыбалась директор,— пойдёте, понимаете, здание у нас старое, больше ста лет, вот, а в этом кабинете никто и не занимался давно, запущено немного, сами видите.

Обратно я шёл, разжившись краской, стремянкой и парой ведер. Завхоз помогала тащить стремянку, и всю дорогу полоскала мне мозги, какая у них замечательная школа, вот только бы потолки кое-где подправить...полы перестелить...в общем была рада мне безмерно.

Я влез на стремянку, чтоб оценить возможную катастрофу. Поводов для оптимизма не было— в любую минуту с потолка мог обрушиться штукатуркопад. Я прикинул— вытаскивать мебель не имело смысла, получить нехилым куском

штукатурки по особо умной голове мне как-то не улыбалось, да и если на кикимор моих упадёт, тоже особых поводов для радости не будет.

Я слез со стремянки и заглянул в один из шкафов— там, к великой моей радости обнаружили старые газеты, наверное ещё с тех времён, когда детишки в красных галстуках радостно собирали всякий хлам на благо родины, а меня ещё и в проекте не было.

—Так, девы мои,— сказал я кикиморам, заинтересованно изучавшим содержимое шкафа из-за моего плеча,— берем эту макулатуру и застилаем столы, пол, шкафы... короче всё, что застилается. А я потом потолком займусь, а то рухнет на нас.

Опасливо озираясь, мы быстренько застлали газетами все горизонтальные поверхности.

—Хозяин,— Дунька поёжилась,— нечисто здесь!

—Конечно,— не удивился я,— тут сто лет не убирали!

—Неа,— Акулька испуганно прижалась к сестре— не грязно, а нехорошо!

-Ну вас,— я фыркнул,— потолок сделаем, стены перекрасим, линолеум перестелим— и картинка будет!

-Ты, поосторожнее, хозяин,— шмыгнула носом Дунька,— как мы без тебя-то?

-Ага,— Акулька всхлипнула,— пропадём же... с голоду!

-А идите ка вы в столовку,— я сунул девицам сотню,— купите пожрать нам. А я к завхозу схожу по инструменты. А потом к вам приду.

-Спасибо, хозяин— они прямо засияли от удовольствия,— мы пошли!

-Идите, идите,— проворчал я,— а то мерещится им тут с голодухи.

Мне до жути хотелось курить, но блин, образовательное учреждение! Я поплёлся к завхозу, по дороге прикидывая, не стоит ли вспомнить детство и подымить в туалете.

Перекусив столовскими пирогами, мы пошли обратно, в нехороший кабинет. Я отправил девиц за водой, а сам залез на стремянку и начал отбивать старую штукатурку. Под ней оказался странно ровный слой, сохранивший какие-то смут-

ные воспоминания о потолочной росписи. Правда, они были настолько смутны, что, даже включив свою богатую фантазию, я не мог понять, что там изображено.

В дверь без стука ввалились два оболтуса, с виду старшеклассники. На их несчастье именно в этот момент с потолка грохнулся очередной пласт штукатурки и разбился, подняв белое облако.

-Ты чё там, очешуел совсем?— завопил один из них. Второй пытался прочихаться и отчаянно тёр руками глаза.

-Стучать надо,— хмыкнул я,— может, я тут непотребными делами занимаюсь, нех вваливаться!

- А мазила где?— спросил первый,— нас тут помогать пригнали! И вааще, ты откуда такой борзый? Новенький что-ли?

-Ага,— улыбнулся я, кажется они приняли меня за ровесника, настроение улучшилось, такого шанса я не упущу!— недавно я тут...

-Видно, что недавно,— второй наконец проморгался,— слазь давай, говорить будем!

-Ну, поговорите,— разрешил я,— вас там двое! А у меня

план работ.

-Ты чё, совсем страх потерял?— похоже им нестерпимо хотелось пообщаться со мной поближе. Ну, я не мог их за это осуждать.

-Догадливый ребёнок,— я печально покачал головой,— мой страх покинул меня на полях Каркассона, когда конница Монфора обрушилась на наши ряды... моё знамя пало, и было втоптанно в прах.

-Ненормальный, что ли,— так, бедные дети получили информации больше, чем могли переварить.

-Сами вы ненормальные,— обиделся я,— я вообще-то Раймон Седьмой, граф Тулузский, а вы не посчитали нужным даже представиться!

-Чего?— так, быстро же я их достал, даже неинтересно.

-О, граф Раймон, слазь, пока не навернулся!— в кабинет вошла Лариса,— обедать пора!

-Ужо отобедамши,— я церемонно развел руками,— опоздамши вы, мамзель!

-Здрассьте...– недоросли похоже были совершенно подавлены моим интеллектуальным превосходством...и Ларискиным визитом.

-А чего стоим? – она мигом переключилась на другие объекты.

-Так это...нету учителя,– о, оправдываются! А я-то тут!

-А это кто?– Лариса широким жестом указала на меня, красивого, на стремянке.

-А это...вот это, да?– всё, их мир больше не будет прежним!

-Хозяин, мы воды принесли!

И тут отвалился последний кусок штукатурки...а я что? Я ничего, это ж цепная реакция!

Пять белых статуй смотрелись так эпично...впрочем я не спешил слезать со стремянки– мало ли чего!

-Ах ты гад!– Лариса очнулась первой,– быстро слез, я тебя сейчас убивать буду!

-Ларёк, дети тебя не простят! Не оставляй крошек без отца!— взмолился я, отдёргивая ногу, за которую она примеривалась меня стащить.

-Хозяин,— девчонки кинулись хватать Ларису,— мы её держим, ты беги!

-Пустите, я сейчас вашему хозяину врежу!— бесновалась Лариса,— я не посмотрю, что друг уже семь лет! Я Маше все расскажу!

Два придурка в порыве солидарности стали отдирать кикимор от Ларисы, кто-то толкнул стремянку, крюк вылетел и я с непередаваемой грацией приземлился, аки гордый лебедь, прямо задом в холодную воду...

Вот и правда, нехороший кабинет мне достался...хотя давно мне не было так весело, несмотря на отбитый зад и мокрые штаны.

История 12-я. Школьные страшилки.

Я лениво созерцал свежепобеленный потолок. Немного отошёл вправо, потом влево— да, таки признаться, я умею белить потолки! Имею полное право гордиться собой. Чуть повернул голову, и к своему удивлению через слой побелки увидел орнамент — классическая розетка посередине, четыре

луча в углы и по четверти розетки в каждом углу. Наверное так падал свет, или ещё что. Но тонкие светло-серые линии явственно проступали на белом фоне. Орнамент мою работу, впрочем совершенно не портил, чёткие линии, идеальная композиция— всё выверено и точно вписано в площадь потолка. Мне даже понравилось. Я шагнул в середину кабинета, но угол зрения сменился и орнамент исчез...досадно.

В кабинет ввалились помощнички вместе с моими девами. Я выдал им малярный скотч и максимально доходчиво постарался объяснить, куда и зачем его клеить, а сам решил заняться ревизией шкафов. Синие монстры меня крайне интриговали. На полках я обнаружил несколько вполне годных гипсовых слепков. Классическая розетка, куб, пирамида, конус, греческая ваза с отбитой ручкой, модель лица...ностальгия, блин— в художке такая же висела у доски и называлась «Васёк», хз почему.

Я подвигал слепки, всё было в штукатурочной пыли, моими же стараниями. Потом присел на корточки и открыл дверцы ближнего шкафа.

—А чё вы тут ищете?— о, помощничек...вчера они представились, но я никак не мог вспомнить кто из ху...вроде его Матвеем зовут? Или не его?

-Нарнию ищю,— буркнул я,— ну, или трупак залежалый. Должен же он где-то быть, в самом то деле! Такой синий гроб без трупака— просто нонсенс!

-Чего?— блин, непросвещённое дитё!

-Трупак обязан быть, и точка!— отрезал я,— и я его найду.

-А откуда вы знаете?— второй подтянулся... как его там, вроде Никита...

-А что? Я это, всеведущ, шутка ли, семьсот с лишним лет живу!— ухмыльнулся я,— и мой богатый жизненный опыт подсказывает, что тут есть трупак! Синий гроб без него не имеет права на существование!

-Хозяин, мы наклеили! Всё наклеили!

-Вот, учитесь,— обратился я к помощничкам,— они клеили, а вы тут мне мозги полоскали!

Я вытащил из шкафа туго свёрнутый рулон плакатов и заглянул внутрь— пусто. Вытянул руку, постучал по задней стенке— нету Нарнии! Всё наврал Клайв Льюис...

На нижней полке обнаружили окаменелые ботинки пя-

тидесятого размера, и к ним в комплект пара носок, основательно поеденных молью.

-Ну, чё?– ехидно спросил кажется Никита,– где трупак?

-Как где?– я посмотрел на него как на идиота,– моль сожрала! Только боты и остались от бедняги. Хотя, возможно во втором шкафчике...

-А это что?– Акулька развернула рулон плакатов,– фу, какая гадость!

Я с трудом подавил рвотный позыв– на ватманском листе очень талантливо и натуралистично был изображён полусгнивший труп. Акулька отшвырнула от себя плакаты, и прижалась ко мне, Дунька мигом очутилась у меня за спиной. Плакаты рассыпались по полу– один отворотнее другого.

-Вы чё, стебётесь опять?– парни явно не понимали, чего мы так прикинулись.

-Блина, по-твоему это что?– сдавленно спросил я, пиная ближний ко мне лист.

Матвей(кажется) присел на корточки и прочитал : «Приём изображения перспективы».

-Какая нах перспектива!— заорал я,— тут трупак и нарисован!

-Вы того, что ли? Сдвинулись на трупаках?— осторожно поинтересовался Никита, точно, Никита!

-Хозяин,— робко прошептала Дунька,— тут морок, ты не видишь, а они видят!

Я осторожно ткнул пальцем в лист. Изображение задрожало, на долю секунды я увидел таки академическую картинку, знакомую каждому с детства— уходящие вдаль провода и рельсы, потом мерзкая расчленёнка вновь заняла своё место.

-Как это вы сделали?— заинтересовался Никита,— раз— и трупак на картинке! А потом опять эта... перспектива!

-Трупак и есть, — плюнул я,— просто вы его не видите. А мы видим. Посему эту гадость надо сжечь, нех такому дерьму в моём кабинете делать.

Внезапно с громким хлопком закрылась дверь. Наверное сквозняк. Я ,с трудом преодолевая брезгливость, собрал весёлые картинки и понёс к двери, не в помещении же костёр инквизиции устраивать!

Матвей ринулся вперёд и дёрнул ручку. Дверь не поддавалась. Я видел, как в нашей маленькой компании появился ещё один член— паника. Парни изо всех сил тянули ручку, девы тихо подвывали от страха, а где то на границе слышимости прозвучал мерзкий смешок... Всё, я разозлился и вышел на тропу войны!

-А ну, отошли от двери!— скомандовал я,— нечего тут! —и добавил, адресуясь к хихикающему нёху *— убью, нах, и суд меня оправдает!— и со всей дури пнул дверь. Она не просто открылась, она отлетела и впечаталась в стену. Я с удовольствием услышал затихающий вой. А нехрен злить парня в гриндерах, я и не так зарядить могу. Хорошо, что кеды не обул.

Дети выскочили из кабинета со сверхзвуковой скоростью. Я вышел за ними.

-Ты чего буянишь?— по коридору к нам подходили Маша и Лариса.

-Дверь открываю,— я улыбнулся,— руки заняты .

-Имущество портишь,— недовольно скривилась Лариса,— смотри, чего натворил!

Я наклонился—блина...я с пинка не просто открыл дверь—нижняя филенка теперь держалась на честном слове. Ну, я был крут!

-А мы открыть не могли...— к недорослям вернулся дар речи,— оно тут! Оно дверь захлопнуло! Мы тянем, а оно держит! А он пинком!

-А всё почему?— назидательно спросил я,— а всё потому, что дверь, вообще-то в коридор открывается, а вы, идиоты, её в кабинет тянули! Думать надо, осваивать мозги!

Народ переглянулся...потом до них дошло. Ржач стоял дикий.

Мы пошли на улицу. Дети шли впереди, и вдруг Лариса тихонько сказала:

-Граф, в этом кабинете дверь открывается вовнутрь...не наружу!

Я похолодел.

-Ларёк, ты шутишь, да?— с надеждой спросил я.

-Нет,— она была белая, реально белая, как мой потолок.

-Как же тогда?— недоуменно спросила Маша.

-Не знаю.— я пожал плечами,— навески-то на эту сторону!
Нет тут двусторонних!

-Лариса,— Маша требовательно посмотрела на подругу,— ты что— то знаешь! Во что ты графа втравила!

-Ребята, я не хотела.— Лариса выглядела ужасно виноватой,— я же здесь второй год только, думала обычные байки...ну, что в этом кабинете привидение живёт, и вроде в нём кто— то из учителей умер...

-Кто умер?— насторожился я,— как умер?

-Я не знаю,— расстроилась Лариса.

-А я знаю!— опять Никита,— училка, ну, то есть по рисованию учительница, Альбина Эдуардовна! Она того, на голову больная была, и по ночам в этом кабинете рисовала и свечки жгла! Её ругали, а она всё равно! А один раз утром пришли, а она лежит вся синяя, а свечки сгорели до конца!

-И чего дальше?— осторожно поинтересовался я,— от чего

старушка кони двинула?

-Ну,— паренёк замялся,— сказали— инсульт, а так— наверное её этот призрак того...

-А хозяин сильнее!— авторитетно заявила Акулька,— ему семьсот лет и он летать умеет!

-С дивана на пол,— откомментировала Лариса,— особенно спьяну.

-Что теперь делать?— Маша смотрела на меня, как на несчастного сироту,— увольняться, да?

-Ещё чего!— возмутился я,— я только вчера потолок покрасил! И вообще, кто ещё этих бедняг научит понимать прекрасное?

Лариса фыркнула, Маша заулыбалась...

-Да ты любого нёха уболтаешь до смерти,— заключила она.

Ну, в принципе правильно...чего их бояться? Я всяко страшнее! Просто этого пока никто не знает.

*Нёх– в терминологии сайта «Крипер.ру»– неведомая х-ня, обозначает любую нечисть неопределённого вида. Определённая нечисть имеет своё название и нёхом не является– она переходит в разряд вЕдомой х-ни.(примечание автора)

История 13-я. Снова страхи.

Я сидел на подоконнике туалета и курил. Да, каюсь – не выдержал...Бежать за ворота школы, чтобы дымить по правилам было слишком лениво, и потом– чем я хуже школоты?

Хлопнула дверь, раздались шаги и голоса.

-Да нет тут никого, ща подымим.

-Вроде накурено уже...

Помощнички...я притих, а вдруг чего интересное услышу?

-Да кто тут курить будет, наверное с улицы пахнет.

Журчание.

-Слышь, Никитос, а этот, чудной какой-то!

Так...я наострил уши, это я-то чудной? Я великий и уникальный!

-Да уж, придурок тот ещё, только дверь-то с пинка вынес, а я пересрался. Честно!

-Я тоже, только эта дверь утром внутрь открывалась, как он понял, что наружу?

Так...Я тоже не понял, но сработало же! Да если меня качественно разозлить...нет, Колизей я не трогал, но порушить могу всё. Просто туда я ещё не добрался – лень.

-А плакаты эти, вроде сжечь хотели, а забыли.

-Ну, да, в мусорку бросили, а чё?

Ох, ёпрст...упущение однако! Надо это исправить... Я спрыгнул с подоконника, и выбрался из-за стенки последней кабинки. И нифига я не прятался – просто там окно легко открылось, а с другой стороны– хрен подцепишь.

Помощнички малость ошалели, явно не ожидали увидеть меня любимого с сигареткой. Тот, что повыше, вроде Мат-

вей,(да что за! Почему я их никак не запомню!) торопливо сунул в задний карман джинсов сине-белую пачку. Я бросил окурок в унитаз и лучезарно улыбнулся.

-Курить вредно, дети!

-А...а вы сами!

-Доживите до моих лет,— ухмыльнулся я,— и поговорим...а теперь на выход! И не врите, что всё сделали.

-Не, ну мы это... стену того...

-Того, этого,— передразнил я,— накатали? Ровно? Пока ровно не будет , жрать не отпущу.

-Чё за на!— попробовал возмутиться другой, Никита? Точно, он понаглее.

-Хавчик зарабатывать надо!-я назидательно поднял палец,— кто не работает, тот не ест!

Бурча под нос они поплелись к моему кабинету. Покаленная дверь слегка покачивалась на сквозняке. Девы отмывали вытащенные в рекреацию столы и стулья. Полная благодать...

По коридору ко мне навстречу спешило чудное видение предпенсионного возраста весом около центнера– завхоз.

-Ох, я Вас ищу! Представляете, какой-то спонсор для нашей школы закупил линолеум, теперь срочно нужно в вашем кабинете старый снимать! Как раз перестелим!

Она, тяжело дыша вошла в кабинет. Стены сияли нежно– бирюзовым цветом, потолок– ослепительной белизной. Контрастом выделялись только неподъёмные грубообразные шкафы.

-Тамара Петровна,– подхалимским тоном начал я,– а как бы сюда бы новые шкафчики, а? Ведь всю картину портят...

Она изумлённо воззрилась на меня.

– Так они всегда тут стояли...ещё до революции. Их никто и не трогал никогда...Крепкие же, зачем новые?

Страшны уж больно,– доверительно сообщил я,– не вписываются. И цвет у них не того.

-Даже не знаю...– она покачала головой,– лучше директора спросите.

Я придирчиво осмотрел стены, конечно, мне было к чему прикопаться, но я решил не мучить детей сегодня слишком сильно. Мой мозг был занят тайной синих гробов.

-Обед бригаде!— объявил я,— все в столовку! А потом пойдём костёр жечь.

В столовой к нам присоединилась Лариса. Потом позволила Маша, я очень хотел её увидеть, но она не могла прийти... жаль, чесслово! Я скучал.

Мы стояли у мусорных баков маленькой скорбной толпой. Бумаг не было... от слова совсем.

-Кто-то спёр,— озвучил я,— небось прекрасного захотел.

-А может они вернулись... в шкаф?— сдавленным голосом произнёс Матвей.

-Ну, сгоняй да проверь,— лениво предложил добрый я.

- Хозяин,— Акулька тихонько поскребла ногтем по моей руке,— а мы их не сюда клали...

-В смысле?— не понял я,— а куда?

-В другой ящик,– Дунька кивнула,– который вон там.

Мы помчались к другому ящику– лежат, сволочи! Как миленькие лежат!

Я поднёс зажигалку к краю листа. Он долго не загорался. Зажигалка нагрелась и больно обжигала пальцы, но я не сдавался– по кромке пробежала огненная дорожка. Я выдохнул.

К нам подошла завхоз, посмотрела на костерок в баке, поморщилась.

-Зачем жечь-то? Новые не достать. И в баке– вонь же!

-Нарисую,– угрюмо ответил я, наблюдая за процессом. Пламя принимало странные формы – то какая-то отвратная рожа, то мерзкого вида птица... Вдруг птица выпорхнула из мусорки. Не соображая, что делаю, я сцапал её за хвост, как Иван-царевич на картинке. Гадская тварь скрипуче верезжала и немилосердно жглась, Дунька с Акулькой с дикими воплями кинулись на помощь, остальной народ, похоже, малость охренел от такого зрелища. Втроём мы изловчились, треснули тварюгу головой об ящик, он аж оплавился от такого, забросили внутрь и накрыли валяющейся рядом крышкой. Она ещё немного повизжала, потом затихла.

-Ну них себе птичка,— только и мог сказать я. Обожжённые ладони дико болели. Дунька с Акулькой стояли с геройским видом, все в саже. Наверное, и я был не лучше. Лариса вдруг начала тихо хихикать, глядя на нас.

-Чего ржёшь, Ларёк?— недовольно поинтересовался я. Не хватало мне ещё чокнутой Лариски...

-Раймон, не обижайся. Но вы как три геройских трубочиста...-помощнички и завхоз присоединились к веселью. Девы, как всегда— за любой кипиш, кроме голодовки. Подумав, я махнул рукой и тоже заржал.

По идее нужно было открыть крышку и погасить костёр. Причём желательно старым добрым пионерским способом, но не в такой компании же! Даже я на такое действие не способен. Я вытащил пачку курева и только примерился выудить из неё предпоследнюю сигаретку, как завхоз побледнела, схватилась за левую грудь и грузно осела на землю. Я едва успел её подхватить, уронив и сигарету и пачку.

-Ларёк, звони в скорую!— заорал я,— плохо человеку!

-Это он мстит,— прокричал Никита,— он нас всех теперь...

-Не болтай хню!– одёрнул я его,– быстро, нашли носилки!

-Хозяин,– кикиморки подлезли ко мне с обеих сторон,– мы поможем! Мы умеем!

-Помогайте,– разрешил я.

Они вцепились своими когтистыми лапками в руки завхоза и что-то тихо зашептали. Я ни слова не понял – да и наплевать. Хорошо, что не испугались. В следующий момент я понял, что ладони больше не болят.

Скорая подъехала на удивление быстро– мы только успели занести потерявшую сознание женщину в школу.

Ко мне подошла директор. Она то и дело оглядывалась и нервно теребила большой перстень на среднем пальце . Внезапно я понял– она боится! Эта немолодая, решительная тётка до смерти напугана, её страх был каким-то осязаемым, точно загустевший воздух.

-Мне надо с Вами поговорить...без посторонних...– она облизнула губы и так стиснула руки, что костяшки побелели.

-А пойдёте, покурим?– предложил я,– и поговорим заодно.

Она как-то сразу обмякла, точно её отпустило нервное напряжение.

-Да, конечно,— блин, даже улыбнулась!— пойдёмте, не в школе же...

Грёбанные непонятки, подумал я, плетясь к воротам, но теперь вы меня отсюда поганой метлой не выгоните!

История 14-я. Рассказ директора.

Я выудил из пачки последнюю сигарету и протянул директору. Она схватила ее трясущейся рукой, сунула в рот, прикурила от поднесённой мной зажигалки, неумело затянулась и закашлялась.

-Вы же не курите,— сделал вывод я.

Она кивнула, не выпуская сигарету, потом оглянулась на школьное здание, сейчас полускрытое за деревьями школьного сада.

-Нужно, чтоб всё было натурально,— пробормотала она.— Чтоб не догадались, иначе...

-Кто не догадался?— чего— то я туплю. Кому какое дело,

курит директор или нет?

-Понимаете,– у неё было лицо человека перед прыжком с парашютом,– это трудно объяснить, но может, Вы поймёте, Вы и Ваши девочки, они ведь не совсем люди, верно? Да и Вы...

– Что я?– я предпочёл перевести стрелки на себя, и не палить девчонок. Люди, нелюди...право на образование у всех одинаковое!

-Вы же не просто так плакаты сожгли,– она не спрашивала, она утверждала.– Просто, послушайте меня, ладно? Просто послушайте.

-Хорошо, я слушаю.

-Знаете, конечно, мы сами виноваты...я, Тамара и Альбина. Мы дружили давно, учились вместе.

Тааак, интересненько. Директор, завхоз и учитель рисования.

– Тамара рано вышла замуж, Альбина...она всегда была немного сумасшедшая, по– хорошему сумасшедшая, как все талантливые люди, понимаете?

Да, я это понимал. Сам такой.

-А я, я была обычная, просто всегда хотела быть лучше всех, теперь это называют синдромом отличника,— она горько усмехнулась. — меня после педучилища направили на практику сюда. Тома тогда была в академке, она недавно родила, а Альбина ушла из училища. Она решила стать знаменитой художницей, у неё появились какие-то странные друзья, но она продолжала с нами общаться. А когда узнала, что я работаю в этой школе, она стала требовать, чтобы я привела её в этот кабинет.

-А шкафы там стояли?— поинтересовался я, синие гробы меня никак не отпускали.

-Ну, да...— директор не ожидала такого вопроса,— они там всегда стояли. Альбина тоже спрашивала про эти шкафы, вот и Вы теперь...

-Да я так, ничего, вы рассказывайте,— подбодрил её я.

-Тогда у Тамары заболел малыш, сильно заболел, он умирал, положили в реанимацию, её даже не пускали, а Альбина пришла и сказала, что знает, как помочь, она была как одержимая, и мы ей поверили. Представляете, ночью, в пустой

школе...я даже и не вспомню точно, что мы делали, она что то рисовала на полу, свечи...кошку зарезали...но они пришли, понимаете, пришли!

-Кто пришли?— я чего-то совсем потерялся,— сторожа, что ли?

-Нет, сторож спал, как всегда,— она внимательно посмотрела на меня,— они...другие, мы их позвали и они пришли! И мы попросили, Тамара— здоровья для сына, я— чтоб стать тут самой главной, а Альбина— славы и известности...они сказали, что надо платить...всегда платить, и они сами возьмут плату, всегда сами выберут, но они обманули нас! Так легко обмануть трёх наивных дурочек...Малыш выздоровел, но навсегда остался малышом— пострадал мозг, ему теперь всегда шесть лет...я стала самой главной здесь— директор захолустной школы, и никаких перспектив, а Альбина, да, она получила славу и известность, наверное вы слышали о ней— Альбина Занкевич, понимаете, её слава и известность— совершенно не те, на которые она рассчитывала.

Блина...конечно я знал Альбину Занкевич, городская сумасшедшая, её знали все, кто как-либо был связан с нашим училищем. Её работы часто анализировали педагоги, а её история... безумно талантливая, она решила, что окружающее быдло не достойно её гениальных работ, а потом по наклон-

ной...я даже видел её на какой-то выставке, куда мы, студенты явились толпой. Безумного вида тётка, в каком-то бордовом балахоне, она говорила странные вещи, странно верные...но мне показалось, что она больше играет на публику, я тогда ещё подумал, что с ней интересно пообщаться, когда она в себе...

-Она пришла ко мне четыре года назад,— продолжала директор,— говорила, что мы должны всё исправить, ведь они брали свою плату, понимаете, если поднять статистику несчастных случаев по школе, то всё понятно, три смертельных случая, и травмы...мы снова собрались вместе, но они больше не пришли...я взяла Альбину на работу, она сказала, что будет искать, искать путь...я не знаю, что она нашла, но...и теперь даже не спросить...

-А они ведь вас не обманули,— задумчиво сказал я,— просто выполнили всё буквально, в точности. Нельзя шутить с потусторонними силами.

-Да, да, мы слишком поздно поняли,— она почти плакала,— Альбина, теперь Тамара, а потом я...мне не страшно, не думайте, я одинока, у меня нет семьи, но если бы моя смерть могла всё прекратить...

Мне было жаль их. Всех троих, по глупости вляпавшихся

в такое мерзкое дерьмо. И самое гадкое, что я не знал, чем помочь. Хотя... зря я что ли кабинет ремонтировал? Хитрожопые нёхи решили поиметь с меня ремонт на халяву? А вот хрен им! Не уйду!

– Если Вы напишете по собственному, я пойму, – обречённо сказала директор, – никто не хочет быть жертвой. Я всех предупреждаю, но они хитрее меня...

– Но не хитрее меня, – усмехнулся я. – Не надейтесь, я так просто не уйду! Я ещё всем тут нервы попорчу, в своё удовольствие.

Она слабо улыбнулась.

– Я так и поняла с самого начала, Вы другой, не как остальные... и девочки ваши тоже.

– Дети не при чём, – отрезал я, – пусть спокойно учатся.

– Хорошо, – она серьёзно кивнула.

Мы возвращались обратно в школу. Здание старинного трёхэтажного особняка среди древних деревьев казалось мне несмотря ни на что, уютным и симпатичным.

У крыльца стоял грузовичок, охранник с физруком перетаскивали в школу рулоны линолеума. Я свистнул помощничков и присоединился к работе.

Девы отправились в Ларисин кабинет, помогать с уборкой и мытьём мебели. Директор расписалась в накладной и ушла к себе, а мы раскатали линолеум по коридору, чтоб выровнялся.

Я зашёл в свой многострадальный кабинет. Рассказ директора что то прояснил, но что то и запутал И каким боком тут синие гробы? Задницей чую, не просто так они тут стоят... Я остановился, прикидывая объём работ, и тут только заметил, что плинтус идёт вокруг шкафов— когда настилали линолеум в прошлый раз, их даже не трогали, просто вырезали дыру в линолеуме, и пустили плинтус, чтоб не отдирался.

-А чё нам делать?— недоросли топтались в дверях.

-Валите домой,— великодушно разрешил я,— завтра будем полы готовить, я сегодня плинтуса расколочу, сколько успею, а завтра всё снимем.

-А чего вам директриса рассказала?— осторожно поинтересовался Никита.

– А это под грифом 18+,– усмехнулся я,– рано вам мелким такие вещи знать.

–А правда, что тут чёртей вызывали?– о, как, вся школа в курсе, что ли?

–Государственная тайна,– я состроил страшную рожу,– так я вам все и рассказал! Короче, каждый думает в меру своей испорченности.

Они разочарованно покинули школу, а я пошёл искать гвоздодёр. Надо было отодрать плитуса хотя бы...

Синие гробы стояли, как монументы. Я пнул один шкаф, потом другой. Подёргал дверцу– не открывается, похоже заперто. И что? Ломать– так ломать– я поддел дверцу гвоздодёром, не поддаётся. Крепко раньше делали. В итоге я тоже плюнул на всё и решил, что на сегодня моя трудовая деятельность закончена.

Забрал девчонок и пошли мы домой, с заходом в магазин и покупкой всяких вкусностей.

Девчонки тоже пытались расколоть меня на предмет разговора с директором, но я был непоколебим– сначала я сам

должен был всё обдумать и выстроить линию поведения. Не хотелось мне их вмешивать . Маленькие ещё, вот через сотню— другую лет...

В моём почтовом ящике что-то лежало.

-Очередной спам,— вздохнул я, открывая ящик. Конверт, грязный и помятый, на лицевой стороне, вместо адреса и прочей лабуды крупно написано корявым почерком «Раймону Седьмому, графу Тулузскому». Оба-на! Вообще-то в мире меня называют несколько иначе...от кого бы это?

История 15-я. Сонно-непонятная.

Я сунул конверт в задний карман джинсов и начал отпирать дверь. Девушки сзади толкались и шуршали. Дома я не спеша разулся, поставил чайник и начал задумчиво перебирать купленные нами продукты.

-Хозяин, а хозяин!

-Чего вам, есть хотите? Сейчас, чайник вскипит, и чаю попьём с пирожными.

-Ну хозяин...

-Не нукай, не запрягла! Что, интересно, да?

-А то,— Акулька нервно шмыгнула носом, Дунька терпеливо молчала, но её выдавали пальцы, теребящие клёёнку.

-Ладно, нате,— я положил письмо на стол. Оно выглядело ничуть не лучше, чем раньше— грязный, мятый, криво надписанный конверт.

-Лесом пахнет,— авторитетно заявила Дунька, взяв конверт в руки.

-И речкой,— добавила Акулька.

Я отобрал у них конверт и понюхал. Ничего не понял, выудил из ящика ножницы и аккуратно разрезал конверт сбоку. Вытащил из него сложенные вчетверо бумаги, развернул...мать моя женщина! Свидетельства о рождении, выданные администрацией Городеньевского сельского поселения. Водяницына Евдокия Всеволодовна и Водяницына Акулина Всеволодовна. Оригиналы. Я потряс конверт, оттуда вылетела четвертушка тетрадного листа, на которой тем же корявым почерком было выведено: «Береги». Всё.

-Дедушка прислал, с нашими,— Дунька снова понюхала конверт.

-И как нашли только,— озадачилась Акулька.

Я вспомнил, как в Шишигине демонстрировал свой паспорт и нисколько не удивился.

Чайник начал закипать, когда на улице зашумел дождь. Сначала капли шлёпались редко и увесисто, потом их стало больше...больше...вскоре за окном стоял сплошной гул. Я выключил чайник .

В дверь кто— то постучал. Потом позвонил. Я вздохнул и поплёлся открывать.

-Хозяин, а хозяин!

-Чего вам?

-Ты это...в общем нам тут мало, ты к себе не зови!

-Жадины мелкие,— пробурчал я и отпер дверь. На пороге стояла Маша, стряхивая с зонтика дождевые капли. Ниже пояса на ней сухой нитки не было.

-Манька!— я схватил её в охапку,— Мань, куда пропала, я соскучился, как не знаю кто!

-Я тоже, поставь меня на пол, граф!– Маша засмеялась.

-На тебе сухого места нет.– забеспокоился я,– пошли, я тебе одёжку другую дам.

-Я в твои знаменитые штаны не влезу,– засмеялась Маша,– я не такая перемотина как ты!

-Ничего, другие найдём.– я был в какой-то эйфории, сам не понимая почему.

Через полчаса мы всей дружной компанией пили чай с пирожными . Девицы усилено пихали меня ногами под столом и строили умильные рожицы. Я делал вид, что ничего не замечаю, и в красках живописал Маше наши школьные похождения. Ну, приврал малость, для драматического эффекта...кто не без греха!

-Знаешь, граф,– серьёзно сказала Маша, когда чай был выпит, а всё вкусное съедено и девицы тихонько удалились в свою комнату, усиленно подмигивая мне на прощание,– а она где то права, эта тётка. Ты и правда, какой-то другой.

-В смысле?– удивился я. Я поставил только что вымытую тарелку в сушилку и повернулся к Маше. Она смотрела на

меня без улыбки, как-то немного грустно.— Мань, мы ж сто лет друг друга знаем, что во мне не такого?

-Я не знаю, как сказать,— она стиснула руки,— понимаешь, граф, ты всегда был какой-то особенный. В стороне от людей. Я ещё в художке заметила. Когда все толпой, а ты сзади, и всегда один. Я поэтому к тебе и подошла тогда, думала, тебе плохо, что ты один.

-Мань, понимаешь,— попытался объяснить я,— я не люблю человечье стадо, я какое-то не общественное животное. И одному мне тоже плохо. Правильно ты думала. Я, конечно врун и трепло, но вот ты мне очень нужна.

Маша подошла ко мне сзади и обхватила меня за пояс.

-Одни кости,— констатировала она,— совсем тебя загоняли.— она потёрлась щекой о мою спину.

Я повернулся и обнял её.

Ночью мне приснился сон. Ничего необычного в нём не было, сон был давно знакомый и выученный наизусть— я иду по тропе, слева— кирпичная стена, справа— высокая трава и за полосой травы— лесок. Я иду, тропа приводит меня к дыре в стене, я перехожу на другую сторону и ничего не меняет-

ся— стена, тропа, трава и лес, только теперь стена не слева а справа. Бессмыслица какая-то. Сегодня сон несколько видоизменился— вместо дыры в стене вылез на тропу синий шкаф и захлопал дверцами, приглашая внутрь. Я старательно обходил его и так и эдак, но синий гроб не отставал, потом он таки погнался за мной и я проснулся в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем.

В комнате было темно, Маша тихо сопела мне в ухо. Я лежал, боясь пошевелиться, вдруг разбужу? Хотелось курить с какой-то совершенно ненормальной даже для меня силой. Я осторожно нашарил рядом с кроватью штаны и потихоньку сполз на пол.

-Куда?— сонно спросила Маша.

-Курну пойду.— виновато ответил я. Она что то мурлыкнула в ответ и отвернулась к стене.

Я сидел на кухне у открытого окна и курил. Дождь закончился, и в окно тянуло холодом, всё таки уже август...вторая половина. Скоро осень. Я думал, как глупо— испугаться синего шкафа, пусть даже и во сне. И что я к ним пристал? Стоят себе, никого не трогают. Хотя...может они по принципу— нас не трогай и мы не тронем? А почему тогда? Альбина Занкевич их трогала что ли? Тут я треснул себя по лбу—

те жуткие картинки, я узнал руку! Я же видел работы Занкевич, пусть ранние, ученические, но такой почерк спутать невозможно! То есть она рисовала по ночам эти ужастики, а потом их маскировала? Зачем? Глупо как-то получается. А завхоз? Логичнее было прибить меня, я же сжёг плакаты, она просто рядом стояла. Но перед этим мы говорили о шкафах, и она отправила меня к директору. Ничего не понимаю.

В кухню вошла Маша. Она завернулась в одеяло, и его край волочился за ней по полу, как шлейф.

-Хорош дымить,— она сладко зевнула,— пошли спать. А то я одна мёрзну.

-Мань,— сказал я,— у меня картинка не вытанцовывается...

-Излагай,— она села на табуретку, подобрав одеяльный шлейф. Я изложил свои соображения и факты. Маня обладала критическим взглядом на мир, и частенько давала мне, бестолковому идеалисту, хорошие советы.

-Нет,— после недолгого размышления заключила Маша,— чего-то тут не хватает... неполная картинка, вот и не вытанцовывается. Но я так думаю, что надо открыть второй шкаф.

-Я пробовал, не вышло. Ты думаешь, там что-то важное?

-Я не знаю, давай до завтра?

-Ну, давай...

-Кстати, ты знаешь, что мои родители решили меня познакомить с ооочень приличным молодым человеком?– хитро усмехнулась Маша.

-Чего?!– я чуть не свалился со стула,– зачем? А я что, не приличный что ли?

-Неа,– Маша помотала головой,– ты абсолютно неприличный! Они конечно к тебе привыкли, но тем не менее не о таком зяте мечтают!

-Мань, чем я им плох-то?– я был искренне возмущён,– я вежливый, хорошо воспитанный, творческий, из хорошей семьи, да, и квартира у меня своя...

-Ты для них слишком креативен,– засмеялась Маша,– но ты не бойся, ты– вне конкуренции! Все кандидатуры моих родителей скучны невыносимо. А с тобой всегда хорошо. И. знаешь, граф Раймон,– она вдруг посерьёзнела,– хоть ты врун и трепло, но я всегда могу тебе доверять, я знаю.

Мне снова снился сон, как я, Раймон Седьмой, граф Тулузский, объезжаю свои войска. Солдаты играли в карты на раздевание и пели песни Канцлера Ги. Мой конь повернул ко мне голову и позвал:

-Хозяииииин!

Я удивился и проснулся. У кровати стояли обе девы, лица у них были перепуганные.

-Вы чего?– шёпотом спросил я,– будите ни свет ни заря!

-Оно там шкрябается...– тоже шёпотом сообщила Дунька.

-Где?– не понял я,– кто?

-Тама,– Акулька махнула рукой в сторону входной двери.
-Страшно!

-Идите, я сейчас,– они вышли, а я снова натянул штаны и потихоньку вышел в прихожую. В дверь действительно кто-то скрёбся.

-Кто там?– вполголоса поинтересовался я.

-Открой.– прошипели за дверью.

-Неа,– я для убедительности помотал головой,– вали откуда выползло.

-Хозяин,– девы стояли у меня за спиной, Акулька тихо стучала зубами от страха,– ты не пускай их!

-Чего надо?– опять спросил я.

-Открой, поговорим.– тупой нёх, я ж сказал– не открою...

-Не хочу я говорить. Приходи днём.

-Открой,пусти...

-Иди ты в жопу негра,– ласково пожелал я,– спать мешаешь.

-Открой, это я...

-А это я,– вот пристал! – познакомились, а теперь иди ты нах!

-Это я, твоя покойная бабушка...

-Хули врать то!– возмутился я,– у бабули ключ есть, и она бы не пришла с того света у любимого внука под дверью завывать! У неё и там, небось, дел по горло.

Нёх ещё малость пошипел и поскрёбся, но я послал его в дальнее пешее эротическое путешествие, после чего он и сгинул. Искренне надеюсь, что по указанному адресу.

-Спать идите,– сказал я перепуганным девам,– четыре утра, мать вашу...ещё три часа сна.

-Хозяин, а ты совсем не боишься, да?– они смотрели на меня с восторгом.

-А чего мне бояться,– отмахнулся я,– против лома нет приёма! Ну, кроме другого лома, конечно. Всё, спать!

Они уплелись к себе, а я к себе, нырнул под одеяло, обнял Машу...и у меня получилось не три часа сна, а два с небольшим.

История 16-я. Матримональное и гнилые полы.

Я открыл входную дверь и присвистнул– гадский нёх изодрал когтями всю обивку. Дверь у меня была старая, заслуженная, обитая кожей молодого дерматина. Эта дверь пом-

нила ещё моего дедушку в раннем детстве, а теперь поганый нёх превратил обивку в лапшу.

-Гадство!— с чувством сказал я, рядом были женщины и дети, и выразится более сообразно случаю я не мог. Хотя очень хотелось.

-Господи, вот хулиганье!— возмутилась Маша,— всю дверь изрезали. Давно тебе надо было железную поставить.

-Хозяин,— кикиморы жалобно смотрели на дверь,— это оно, да? Жалко, да?

-Блин, конечно жалко!— я прикидывал, во сколько мне обойдётся починка, железную дверь я ставить не хотел, из некоторых соображений личного характера.

Я запер дверь, замки не пострадали, раньше умели делать на совесть, и мы двинулись на улицу. Девушки пошли вперёд, держась за руки, и старательно делали вид, что их крайне интересует чахлая городская растительность.

-Мань, а Мань,— я дёрнул Машу за волосы,— не ходи домой, а?

-Ты чего, граф?— удивилась она,— а жить мне где?

-У меня, давай я тебе ключ дам, и живи, а? Насовсем.

-Это что,– она повернулась ко мне,– предложение руки и сердца?

-Руки и жилплощади,– уточнил я,– сердце давно у тебя!

-Нет, я так сразу не могу,– Маша как-то испуганно сжалась,– я подумаю, честно-честно!

-Мань, ты только правильно подумай,– жалобно попросил я,– я понимаю, что не подарок, и детей двое... Мань, я ж пропаду без тебя! Совсем пропаду.

-Ну, не драматизируй,– Маша прижалась ко мне,– ты у нас непотопляемый! Мне надо, ну, подготовить почву, чтоб папа тебя с лестницы не спустил.

-Мань, мы ж интеллигентные люди, какая лестница!– возмутился я,– я даже белую рубашку одену! Ну, если найду, конечно. И джинсы без дыр! Я ж хороший, а Мань! Ну, соглашайся... третий год ведь тебя уговариваю.

-Ох, граф,– Маша вздохнула,– ты ж знаешь моих родителей, они люди консервативные... и к тебе даже за столько

лет никак привыкнуть не могут. То есть они вроде попривыкнут, а ты— рраз! И опять чудить начинаешь. Ну, подожди немножечко, ладно?— она приподнялась на цыпочки и громко чмокнула меня. Я опешил, девы радостно заулыбались.

-Всё, я на остановку, вечером созвонимся!— Маша помачала рукой и побежала к остановке, к которой как раз подъезжала маршрутка.

-Хозяин, когда свататься пойдём?— Дунька, ишь какая конкретная!

-Когда отмашку дадут,— отмахнулся я,— мой имидж и образ жизни травмируют нежную психику старшего поколения...

-Хозяин, эт ты чё щас сказал?— Акулька, смотрит на меня с восторгом...ещё бы! Я ж такие умные слова говорю...

-Не ко двору там наш хозяин,— объяснила Дунька,— не пускают за него замуж. Дураки какие!

-А может другую жену найдём?— не растерялась Акулька,— вон, Лариса...

-Ну вас, — я отмахнулся,— Ларёк не согласится, у неё Иго-

рёк есть...да и я не соглашусь.

-А ты подумай, а, хозяин?— Акулька не теряла надежды.— вон сколько жён-то хороших!

-Всё, прикрыли тему,— не выдержал я,— хватит. Свахи малолетние. Пошли работать, мне ещё линолеум снимать, а вам окна мыть.

Я вошёл в кабинет— синие гробы ждали меня. Вид у них был какой-то странно довольный. Я наверное схожу с ума, ну где я видел довольный шкаф? Я прикинул— сейчас появят-ся помощнички, снимем и вытащим старый линолеум, а потом попробуем сдвинуть в коридор шкафы. Резать в хорошем покрытии дыры мне не хотелось.

Мы сняли весь старый линолеум и вытащили его к мусорке. Приснопамятный бак стоял с открытой крышкой, весь почерневший от копоти. Я подошёл и заглянул внутрь— пусто. Наверное, вывезли мусор на свалку. Впрочем, туда ему и дорога.

Я обошёл вокруг шкафов. Один практически пустой, второй— с неизвестным содержимым.

-Ну, что?— спросил я парней,— попробуем хоть один вы-

тащить?

-Так вроде их трогать нельзя,— сказал Никита,— они ж заговорённые! А кто их с места сдвинет, того черти утащат!

-Такой большой, а в сказки веришь,— ухмыльнулся я,— давайте, что мы, втроем один шкаф не сдвинем?

Мы упёрлись и попытались...и ещё... и ещё...— синий шкаф стоял как скала.

-Может он к полу приколочен?— заинтересовался я. Доски пола были явно более позднего происхождения, чем шкафы. В них, так же как и в линолеуме, наличествовали вырезы под шкаф.

-Гнилой пол-то,— пробормотал я себе под нос, -хреновые досочки-то...

-Да не, крепкий!— Матвей решил вступить в спор со мной, всезнающим— дурачок малолетний, я с восемнадцати лет на шабашках подрабатывал. Он подпрыгнул— и раздался громкий треск. Гнилая доска проломилась, и парень по щиколотку провалился под пол.

-А нифея не крепкий, нечего со старшими спорить,— на-

зидательно сказал я и стал прикидывать, как вытащить пострадавшего. Нога застряла, пришлось отдирать доску. Щиколотка у парня посинела и малость кровоточила, я отправил его в медпункт, за помощью.

-Это они мстят,- Никита смотрел на меня испуганными глазами,- вот увидите, они теперь за нас возьмутся!

-Это я за них возьмусь,- пообещал я,- а от меня ещё никто живым не уходил!

-Не надо их трогать,- он был испуган не на шутку,- зря вы это...

-Иди, обедай,- сказал я,- хватит панику разводить. А приятель твой сам виноват, не хрен прыгать как лось, сказано же- гнилой пол!

Кажется, я его не убедил, но, во всяком случае, он меня послушался и ушёл. Я стал осматривать шкаф и увидел на полке незамеченный до этого горшочек. На нём неумело, точно детской рукой была нарисована птица. Я вытащил горшок- в нём была земля, такая сухая, что казалась пеплом. Я перевернул его и потряс, на кучку земли выпала маленькая косточка, по виду- куриная, и серое от пыли перо. Я присел на корточки, вытащил по привычке сигарету, сунул её в рот

и задумался. Взял косточку, тихонько пошевелил ею пепел.

-Молодой человек,— я обернулся, за моей спиной стояла полужнакомая дама богемного вида и предпенсионного возраста,— как вам не стыдно! Это же ШКОЛА! А вы...

-Я?— я опешил от такого неожиданного наезда,— а что я? Сижу тихо, починая примус!

-Какой примус? Вы курите! Никакого уважения к этим стенам!

-Да я только собирался!— возмутился я, — и вообще! Захламили кабинет, дети под пол проваливаются, плакаты какие-то мерзкие, мебель времён Очакова и покоренья Крыма, сами-то значит, померли, а мне тут разгребай, а, не стыдно, Альбина Эдуардовна?

-Что вы понимаете, приземлённая личность!— она запахнула свой балахон, как тогу,— где вам!

-Да уж понимаю,— я встал,— шли бы вы отсюда, а то хуже будет! Это я вам, как Раймон Седьмой, граф Тулузский авторитетно заявляю! Кишка у вас тонка меня отсюда выжить!

-Вы...вы...— она даже слов подобрать не могла. Я достал

зажигалку и не торопясь прикурил, затянулся со вкусом, и выдохнул дым в сторону надоедливого призрака. Она взвыла и растаяла в воздухе. Я снова затянулся— руки у меня заметно тряслись. Всё— таки подобные визиты выбивают из колеи.

-Хозяин, пойдём обедать!— ко мне подошла Дунька,— ой, — она присела перед кучкой , увенчанной пером и костью.— совсем мёртвое, жалко...

Она потыкала костью землю, но призрак не появился. Обиделась, наверное, подумал я, я ж не оправдал её надежд.

В столовой я ковырял ложкой холодное пюре и думал о своей странной визитёрше. Очевидно, содержимое горшка было как-то связано с госпожой Занкевич, и с той птичкой, которая нашла свою окончательную смерть в мусорном баке. Я очень жалел, что моя любимая бабуля умерла шесть лет назад, она такие загадки на раз— два решала. Хотя...кто бы ей помешал немного помочь непутёвому внуку, вляпавшемуся в какое-то неведомое дерьмо? Наверное, только важные неотложные дела. Я был на сто процентов уверен, что бабуля и на том свете неизмеримо занята, на таких людей везде есть спрос. И потом, ключ же у неё есть, значит придёт, как сможет. А я подожду. А пока буду делать что должен, и будь, что будет!

История 17-я. Попадаलोво.

Я внимательно осмотрел пол – по уму, нужно было снять все доски и перестелить заново, а уж потом класть линолеум. И вот ещё странность – пол в кабинете был заметно выше, чем в коридоре. Я прикинул – эта странность была просто очередной в списке.

-Хозяин, а хозяин!

-Чего вам, девы?

-А что делать будешь? Хозяин, давай ничего не делать, а? Оно страшно...

-Кто оно-то?– спросил я, меня начинала нервировать такая ситуёвина. Все знают что-то, подозревают, один я, как идиот, сую свою дурную башку куда не надо, и получаю по носу регулярно. Ну, пока не получаю, но всё равно приятно-го мало.

-Мы не знаем, оно злое, хозяин, ты его не трогай!

-Пусть оно меня не трогает,– проворчал я,– а я тут пол перестелю. Надо это гнильё убрать, шкафы в коридор выставить и заново всё сделать. А то вон, уже травмы есть.

-А может лучше не трогать?— в дверях стоял Никита. Матвей я, как пострадавшего, отпустил домой.

-Я тут пол буду разбирать, а вы только доски в коридор таскайте,— постановил я,— и этому нёху на вас не за что наезжать будет. А я с ним справлюсь, я их не боюсь, пусть они меня боятся!

На том и порешили. Пол я разобрал как-то на удивление быстро, и без эксцессов. Почему-то меня совершенно не удивило, что под досками обнаружился вполне годный паркет. Правда, он был серым от пыли, но на нём даже наличествовал некий узор, перекликающийся с розеткой на потолке. Я послал девчонок за водой, чтоб всё отмыть, а сам подошёл к шкафу. Теперь стало понятно, почему он не открывался — доски пола намертво зажали дверцу.

-Может не надо?— осторожно поинтересовался Никита, вся бойкость с его слетела, как листья с осеннего дерева.

-Боишься, что ли?— усмехнулся я,— если там и был трупак, так он давно мумифицировался. Высох, короче, или в скелет превратился. Сейчас посмотрим... — я подцепил край дверцы ногтями и потянул, она закрипела и чуть — чуть приоткрылась. Петли, конечно, заржавели, за столько-то лет!

Я упрямо тянул дверку, и она медленно открылась наполовину. Я заглянул в шкаф – разочарование, блина! И тут никаких трупов – скелетов... какие-то деревяшки и несколько горшков в дальнем углу.

-Не, ну я так не договаривался!– я возмутился до глубины души,– я значит стараюсь, пол даже разобрал, а тут самого завалющего шкилета пожалели! Зажидились! Это я зря, значит всю бодягу затеял, а?

- Вы серьёзно?– парень смотрел на меня, как враг народа на товарища Сталина,– вам что, правда, труп нужен?

-Да нет, нах мне неизвестный труп,– успокоил я его,– просто обидно– стараешься, стараешься, а там какая-то хня.

Девчонки притащили два ведра воды, и мы вчетвером стали намывать пол. Под слоем пыли, и правда, скрывался рисунок, зеркально повторяющий потолочный узор.

В кабинет вошла директор.

-Смотрите,– похвастался я,– и линолеум не нужен! Красота!

-По правилам, надо линолеум,— она покачала головой,— не дураки эту красоту прятали, и потом СаНПин...

-Так прогнили доски-то!— возразил я,— ребёнок прыгнул и провалился, травмировался. Может, оставим как есть?

-Нет, нет,— она покачала головой, хотя— бы настелить сверху...и плитусами, завтра поговорим, мне некогда сейчас, дома у меня, понимаете, Тамара Петровна в больнице...

Я понял, она говорила о сыне завхоза. Директор ушла, девчонки и Никита потащили вёдра в туалет, вылить воду, а я вытащил из шкафа деревянные обрезки. Похоже было на детали какой-то резьбы, я вертел их и так и эдак, раскладывая на полу, примеривал куски один к другому, пытаюсь понять, что же это было до того, как его разломали. Резьба чем-то напоминала северную геометрическую, но узор был совершенно непонятен и далёк от привычной концентрической композиции. Я сосредоточился...вроде бы начало что-то получаться, как-то странно— в узор резьбы вплелась паркетная розетка, что-то щёлкнуло, в следующий момент я оказался в каком-то странном месте.

Кругом стоял туман. Ненавижу туман, он мне лично жить мешает, я сразу начал кашлять. Туман немного рассеялся. Кабинета со шкафами не было, а рядом со мной стояла Аль-

бина Занкевич, и ехидно на меня смотрела.

-Доигрался,— констатировала она,— теперь всё.

-Вот ещё!— фыркнул я,— вы меня с собой не равняйте! Я, в отличие от вас никого не подставлял!

-Догадался,— она криво усмехнулась,— умный мальчик! Конечно, мне было плевать и на Тамарку с её ублюдком, и на Галку с её амбициями, главным было получить признание !

- Получили?— я скептически поморщился,— да, вас постоянно в художественном училище вспоминают— Альбина Занкевич, как просрать талант!

-Ничего, тебя-то и так не вспомнят,— она явно злилась, но потакать ей я не собирался, вот ещё!

-А мне и не надо,— я выпрямился, кашель отпустил наконец-то,— зато я маляр хороший, да и талантом не обижен, не гений, конечно, но на кусок хлеба с маслом всегда заработаю.

-Тогда и выбирайся отсюда сам,— она зло смотрела на меня, видно ждала, что я буду просить о помощи... а хрен вам по глупой роже, тётенька, подумал я.

Я медленно пошёл вперёд, инстинктивно выбирая направление. Можно было ещё закрыть глаза, но я предпочитал видеть, куда иду. Я увидел их издали— группа подростков, пять человек— три девочки и два парня, лет по 15-16, и чуть в стороне мужчина лет тридцати. Я подошёл к ним и громко поздоровался. Дети повернулись ко мне. Выглядели они какими-то измождёнными и уставшими. Мужик вроде смотрелся получше, но взгляд у него был такой же безнадёжный.

-Ты что, не понял, куда попал?— спросила девочка в платье гимназистки начала XX века.

-Да мне как-то пох,— признался я,— главное вовремя свалить.

-Ты живой,— констатировал один из парней,— он вон тоже— и он махнул рукой в сторону мужчины. Тот подошёл поближе и прислушался.

-А вы нет?— заинтересовался я, я начал понимать, кто передо мной— те несчастные случаи, о которых говорила директор. Да и мужик казался каким-то знакомым...или похожим на кого-то знакомого.

-Мы мёртвые,— сказала одна из девочек, а узких джинсах и пёстром свитере,— но мы заблудились, нас тут держат. А

Альбина Эдуардовна только говорит, что знает дорогу, а сама обманывает.

-Они её тоже обманывают,— добавил молчавший до этого парнишка, в серой форме с ремнём,— она ищет, как вернуться, а нельзя уже.

-Погодите,— я что то не очень понимал суть вопроса,— а как же вы тут?

-Я думала, что просто напугаю его, я не хотела,— всхлипнула гимназистка,— а там была кислота...я выпила и всё, а дверь захлопнулась. Так страшно было, и больно...и никого.

-А я окошко мыла, и упала,— поёжилась девочка в свитере,— и сразу...

-А я что-то съел,— паренёк в серой форме пожал плечами, -а потом задыхаться начал, а тоже один там был, даже позвать не успел никого.

-Анафилактический шок,— с умным видом произнёс второй парень, в синем пиджаке,— а я поскользнулся и головой стукнулся— всё, на месте помер.

-А я даже не знаю как,— пожаловалась последняя девоч-

ка,— я просто зашла в кабинет рисования, и вдруг так больно стало...и всё.

-Так, понятно,— я окинул их взглядом,— и что делать будем? Мне вообще-то обратно срочно надо, а то жёна и дети не простят.

-Мне тоже,— мужчина подошёл ко мне почти вплотную,— я заблудился, давно, но я живой, у меня мама в больнице, мне тоже срочно туда надо!

-Там наши вещи,— сказала последняя девочка,— остались где-то, может в них дело, помогите, не могу больше тут! - она уткнулась лицом в ладони и расплакалась, горько и безнадёжно.

-Я запомню,— пообещал я,— честно, запомню вас!

-Хозяин....-донеслось откуда-то издалека,— хозяин, вернись!

Мою руку точно иголками проткнули, лоб горел, я задышался. Мужчина вцепился в мою руку, с криком— «Я с тобой!», вдруг кто-то отвесил мне затрещину, и на прощание, покидая это странное место я услышал голос любимой бабули— «Не лезь, куда не просят, идиот!». Я вцепился в руку

мужика, и всё... Наступила полная темнота.

-Хозяин, хозяин!– на лицо мне что-то капнуло. Дождь, наверное, лениво подумал я. Так, стоп, откуда дождь? Почему я лежу под дождём? Непорядок! Я приоткрыл один глаз – какие-то цветные пятна...

-Живой!– радостно завопили... в голове сразу как петарда взорвалась.

-Да хрен вы от меня так легко избавитесь,– пробормотал я, осторожно стискивая руками пострадавшую голову и пытаюсь сесть. Девицы начали мне активно помогать, и я наконец принял относительно вертикальное положение.

-Хозяин, ты их, да? – Акулька не скрывала восторга,– Мы всех, да?

-Кого?– поинтересовался я,– и где мужик?

-Какой мужик?– Дунька поморгала глазами,– мы пришли, а ты упал...и молчишь! Думали, помер,– тут она всхлипнула,– а ты нет!

-А я живее всех живых,– ухмыльнулся я. Блина, у бабушки и после смерти рука была тяжёлая– башка гудела, как ко-

локол. -Короче, дети, ведите меня домой, как я есть постра-
давший и на голову стукнутый. А я потом вам страшную ис-
торию расскажу.

-А можно я помогу?– Никита явно горел желанием услы-
шать страшную историю в моём исполнении.

-А тебе домой не пора?– поинтересовался я, хотя, какой
домой! Я в его возрасте мог на пару дней вообще у друзей в
общаге зависнуть, правда и получал за это от бабули.

-Да я помочь,– он явно смутился,– а то мало ли, а у меня
мама врач, я знаю, что делать!

-Ну, пошли,– согласился я.

История 18-я. Непонятки сплошные.

Я закончил свой рассказ и внимательно посмотрел на
аудиторию. Аудитория была впечатлена по самое не хочу.

– А вот теперь вы думайте, что делать, а я пойду, лягу,
голова болит,– сказал я и уплёлся на свой любимый диван,
провожаемый сочувственными взглядами и оханьем.

Я рухнул на диван и прикрыл глаза. Голова раскальва-
лась, и руки тоже болели– в левую вцеплялись кикиморы,
когда тащили меня из ниоткуда, а в правую пропавший где-

то по дороге мужик. Запястья у меня были фиолетовые, и вдобавок девчонки своими когтями оставили мне нехилые царапины. Умом я понимал, что мне не помешает обезболивающее, но в доме как назло лекарств почти не водилось, я вообще-то довольно здоровый человек, и наиболее частая моя болезнь – похмелье. Я лениво подумал, что надо бы кого-нибудь выпнуть в аптеку... Дуньку, например, в компании с помощником, а что? Пусть купят мне, болезному, лекарство. А то я тут загибаюсь, а они на кухне чай гоняют. Непорядок, однако!

В дверь кто-то позвонил. На кухне начали совещаться – открывать или нет. Я тихо матерясь сполз с дивана и по стеночке поплёлся к двери. За дверью обнаружили Маша и Лариса.

-Граф, ты как? Говорят, ты головой о шкаф долбанулся? – с порога поинтересовалась Лариса.

- А сама не видишь? – фыркнул я, – или мою неземную красоту ничем не испортить?

- Бедный, – Маша обняла меня, – как же ты так неосторожно? Больно, да?

-Больно, Мань, – мне очень хотелось, чтоб меня пожалели,

вот такое я оно.— еле на ногах стою.

-А хозяин на том свете был,— сообщила неугомонная Акулька,— и вернулся!

-А кто хочет сделать доброе дело и сходить в аптеку за таблеткой мне?— спросил я.

-Сейчас схожу, тебе что нужно?— подхватила Лариса.

-Ларёк, каб я знал,— я покачал головой и сразу пожалел об этом,— мне чего—нибудь от всего и сразу... чтоб не болело!

-От всего и сразу— топор!— авторитетно заявила Лариса,— ладно, сейчас схожу. Где у тебя аптека ближайшая?

Засада...я честно, не знал. Вроде где-то есть, но где? Хз...

-Я знаю,— о, помощничек ! Точно, он небось рядом где—нибудь живёт и знает, не то что я.

-Знаешь, тогда веди, — скомандовала Лариса, и они удалились.

Маша с девами проводили меня до дивана. Я решил, для разнообразия, побыть самым тяжелобольным в мире чело-

веком, и им не мешал.

-Ну как же ты так,— Маша присела со мной рядом. Я пристроил голову к ней на колени.

-А хозяин на тот свет попал, и покойников видел!— дoloжила Акулька,— много их там!

-Пять штук, нет, шесть покойников, и один не покойник,— уточнила Дунька.

-А мы его назад звали— звали, а он никак, а потом— раз!— снова Акулька, вот эмоциональный ребёнок.

-И головой об шкаф,— дополнила Дунька.

-Не орите, а,— жалобно попросил я,— и так голова раскалывается. А вы мне руки исцарапали и синяков наставили. Как я теперь на улицу выйду, а?

-Так ты ж ногами ходишь, хозяин!— удивилась Акулька, — при чём руки-то!

-Ой,— Маша только сейчас обратила внимание на мои синяки,— это девочки тебя?

-Не только,— поморщился я,— там ещё мужик был, но потерялся где-то по пути. Мань, Ларёк придёт, и я все расскажу, ладно? Чтоб два раза не повторять.

-Конечно,— забеспокоилась Маша,— ты лежи, может тебя одеялом накрыть? А нам выйти? Окно занавесить?

-Мань, не суетись, а? Сиди, как сидишь,— попросил я,— меня надо просто пожалеть, и мне сразу полегчает.

-Ой, хозяин, мы поможем!

-Кыш, изверги! Чайник ставьте лучше...и караульте, пока не закипит!

Вскоре вернулись гонцы из аптеки. Меня напоили какой-то гадостью, и я заснул, едва успев рассказать мою скорбную повесть во второй раз. Мне приснилась моя любимая бабушка. Бабушка явно была не в настроении, хорошо, что без скалки.

-Бестолочь,— сказала бабушка,— мало я тебя учила. Раз влез, так расхлёбывай сам.

-Прости, бабуль,— виновато пробормотал я,— кто ж знал-то!

-Имена узнай,— назидательно произнесла бабушка и исчезла.

Я проснулся. На кухне разговаривали вполголоса, наверное, чтоб меня не разбудить. Встать не хотелось, я лежал и вспоминал бабулю. Доставалось мне от неё частенько, особенно когда я стал ударяться в загулы по общагам. Она всегда на раз-два разоблачала моё враньё, и я тут же сознавался во всех своих прегрешениях, чем очень её расстраивал. Бабушка тогда давала мне дежурный подзатыльник, и наставительным тоном говорила – если уж врёшь, так ври до конца, нечего сознаваться!

И ещё вспомнилось...я , после очередного загула, с утра пораньше крадусь на кухню, бабушка сидит на табуретке, смотрит на мою похмельную рожу, и говорит:

-Слава богу, что ты не девка, в подоле не принесёшь.

Она всегда всё про меня знала. Хоть я никогда ничего и не рассказывал.

Я сел на диване. Голова ещё болела, но терпимо. Я встал, и пошёл на кухню, к народу. Явление меня, любимого было встречено восторженной овацией. Ну, ладно, вру, оваций не

было, но мне тут же уступили табуретку и налили чаю. И даже конфетку выдали. Даже шоколадную, честно!

-Ну, и какие соображения будут?— поинтересовался я.

-Надо вещи искать?— предположила Маша.

-Надо,— вздохнул я, — мне почему-то кажется, что они в шкафах попрятаны.

-В горшках?— вдруг спросила Дунька.

-Почему в горшках,— не поняла Лариса.

-Так птица в горшке была.— Дунька пыталась прояснить ситуацию, но ещё больше всех запутала.

-Птица?— не понял Никита,— которая в мусорке того?

-Именно,— подытожил я,— птица в мусорке, а птичья кость и перо в горшке, в земле были. Каюсь, я горшок разбил. А в другом шкафу вроде ещё горшки были, только хз с чем, я до них не добрался.

-Ну да, ты сразу начал головоломку складывать,— Маша взяла меня за руку.

-Вот, а надо ещё узнать, как их звали,— я вспомнил свой сон,— всех пятерых. И про того мужика тоже, есть у меня мысль.

-У меня тоже,— вклинилась Лариса,— надо директору позвонить домой, да я телефон не знаю.

-Завтра узнаем, в школе,— у меня тоже были некоторые вопросы к директору.

-Тебе бы дома полежать хоть денёк,— пожалела меня Маша, — приди в себя, успеешь ещё спросить.

-Мань, а вдруг чего?— забеспокоился я,— вдруг кто в тот шкаф сунется? Лучше перебдеть...

-Никто не сунется,— Лариса покрутила у меня перед носом ключом с брелком в виде игральной кости,— я ключ унесла от кабинета. Так что лежи и болей.

-Ларёк, а вот скажи, что в этом здании было, когда там школы не было?— спросил я.

-Ну...— она задумалась,— гимназия была, женская, а до того тоже чего-то эдакое, типа пансион благородных девиц...а

больше не знаю.

-Так, все страньше и страньше,— я посмотрел на притихшую компанию. -Значит, гимназия и пансион. А до пансион-на? Здание то очень старинное.

-А никто не знает, только говорят всякое,— Никита явно знал какие-то сплетни,— вроде там какой-то колдун жил, а потом уже пансион сделали. А может и не колдун, а священник...

-Ну тебя, тоже мне помог!— фыркнул я,— колдун-священник! Ещё скажи парфюмер – ассенизатор!

Мы ещё долго сидели, выдвигали версии, но ни к чему не пришли. Никита смог вспомнить имя девочки выпавшей из окна, но не был уверен на сто процентов. Имя парня в синем пиджаке он тоже вроде бы слышал, но опять же не точно. На всякий случай я всё записал. Как узнать имя гимназистки я даже не представлял, и с парнишкой в серой форме тоже было проблемно, судя по облику, он учился в школе в пятидесятые годы. Третья девочка, очевидно должна была запомниться директору. И вот ещё, что меня мучило – почему их было только пятеро? И с таким перерывом – начало века, середина, и наше время... Непонятный разброс какой-то.

Наконец Никита и Лариса отправились по домам, а я таки уговорил Машу остаться ночевать... ну а что? Вдруг мне совсем плохо станет, девочки испугаются... меня надо постоянно держать в поле зрения! И желательно на расстоянии вытянутой руки. А лучше – ещё ближе.

История 19-я. Хорошее утро.

Я проснулся посреди ночи. Мне было хреново. Голова опять раскалывалась от боли, и ломило оба запястья. Маша тихо сопела мне в плечо, шевелиться не хотелось, но и оставлять всё как есть не было никакой возможности. Я как можно осторожнее попытался слезть с дивана. Меня тут же поймали за руку.

-Ты чего?– сонным голосом.– плохо?

-Мань, я это...сейчас приду.– я высвободился и нашарил в темноте свои штаны.

-Не кури, только хуже будет,– предупредила она.

-Мань, я немного, не могу я,– я чувствовал себя виноватым, хз почему. Я курю почти десять лет, даже бабушка смирилась, и время от времени подкидывала мне денег на сигареты, и только перфекционистка Маша пыталась отучить меня от вредной привычки.

-Себе же хуже делаешь,— пробурчала Маша, закручиваясь в одеяльный кокон.

-Марусь, ну не обижайся,— подхалимским тоном попросил я.— мне и так хреново. Я покурю, и пройдёт.

-Давай лучше я тебе лекарство дам,— Маша сменила гнев на милость,— и пройдёт.

-Мань, а давай я покурю, а потом лекарство?— я никогда не теряю надежды.

-Граф, ты неисправим!— фыркнула Маша.— пошли, никотинозависимый, посижу с тобой.

Я докурил, выпил подsunутые Машей таблетки, и под конвоем поплёлся обратно.

-Мань, а Мань,— жалобно начал я, когда мы улеглись,— Мань, скажи честно, я тебя достал?

-Нет, с чего ты?

-Мань, выходи тогда за меня, а?

-Что, прямо сейчас?

-Завтра, утром. Поедем, заявление подадим...

-Да ну тебя,— Маша засмеялась,— ты бредишь, Раймон спи давай.

Я понял, что сейчас мне ничего не обломится, и заснул. Мне приснился огромный самовар, мать наливала всем чай. За длинным столом сидели отчим, младший брат, бабушка, Маша, девчонки, Лариса с Игорем, директор школы, завхоз, и ещё много всякого народу, мне незнакомого.

-Мам.— спросил я.— а чего это все тут?

-Так праздник сегодня.— удивлённо сказала мать,— свадьба!

-А кто женится?— не понял я,— за столом жениха с невестой не наблюдалось.

-Ты,— мать сунула мне чашку, я её уронил, и пошёл искать Машу, чтоб спросить у неё, на ком мне надо жениться. В итоге я запнулся об чашку, и упал в яму. В яме сидела Альбина Занкевич с мольбертом и рисовала портрет президента. Президент стоял рядом, портрет ему явно не нравился.

-Хреново вышло.– высказался я.– я лучше могу. Особенно на потолке.

-А надо на полу.– строго сказал президент и ушёл в обнимку с синим шкафом.

Я оглянулся, Занкевич показала мне фигу, и улетела, громко каркая.

Бред какой, подумал я и снова проснулся. Голову малость отпустило, я обнял Машу покрепче, а то мало ли, и опять заснул. На этот раз до утра и без дурацких снов.

Я проснулся, и обнаружил нехватку чего-то очень нужного– Маши. Потом я услышал приглушённые голоса с кухни, и успокоился – тут она. Пахло кофе и кажется, блинами...хорошо так пахло, уютно. Окно было заботливо занавешено, чтоб мне, болезному, солнышко в глаза не светило. Мать моя женщина, подумал я, хочу так каждый день! Давно не бывало такого, чтоб я проснулся, и завтрак готов. Обычно я просыпался, с ломом и такой-то матерью вытаскивал себя из постели и готовил завтрак сам. Сначала себе и бабушке, потом только себе...потом вообще забил на это дело, и обходился каким–нибудь бутербродом и чашкой противного растворимого кофе. Надо было побыстрее встать, пока

мою долю никто не сожрал. В дверь позвонили, и я понял, что спать далее просто нельзя – уже и гости подтягиваются! Точно, могу голодным остаться.

Я быстренько натянул на себя штаны и майку и вышел в прихожую.

-О, граф, ну ты и спать!– весело воскликнула Маша,– мы уж обедать хотели!

-Он только встал, что ли?– удивилась пришедшая Лариса,– вот это да! Сутки проспал!

-Какие сутки,– я ничего не понимал, откуда?

-Граф, ты вчера весь день спал, без просыпа,– объяснила Маша,– мы уж испугались, думали– сегодня не проснёшься, скорую вызывать будем!

-Ох, ё...– я был потрясён,– наверно, я за всю оставшуюся жизнь отсыпался. Пойду, хоть на себя погляжу, вдруг я уже двадцать лет проспал.

Я потопал в ванную, посмотрел в зеркало – нет, ни фига не двадцать лет! Рожа моя, помятая, заспанная и небритая, волосы всклокоченные – ну а что вы хотите, сутки с лишним

проспать. Я привёл себя, красивого в божеский вид и явился на кухню. Есть хотелось просто до умопомрачения.

-Хозяин, хозяин!– радостно заверещали девы,– ты проснулся!

-С вами и покойник проснётся,– улыбнулся я,– а теперь меня надо кормить и поить! И пепельницу поближе подвинуть.

-А кто-то меня замуж звал...– мечтательно сказала Маша,– а сам продрых весь день. Значит не пойду я за тебя.

-Мань ты чего!– я был потрясён до глубины души,– надо было меня пинками поднимать!

-Неа,– Маша смеялась,– теперь по пословице– обещанного три года ждут! Вот и жди, засоня.

-Эх, нет в жизни счастья,– вздохнул я,– так и запишем– отказала в сто пятьдесят восьмой раз.

-Ты что, считаешь?– удивилась Маша,– зачем?

-Статистика, Марья, великая вещь!

-Мать вашу, хватит триндеть!— не выдержала Лариса,— ладно граф трепло, а ты, Маш! Новости расскажи ему!

-Какие новости?— я тут же наострил уши, и правда, чего это я? День же целый прошёл.

-Ты в курсе, что у Тамары Петровны сын ненормальный был? Умственно отсталый, и так далее?

-В курсе, а что?— так, я кажется, понял, куда потерялся мужик по дороге.

-Так он вдруг стал абсолютно нормальным,— Лариса смотрела на меня во все глаза.

-Я понял,— я кивнул,— это он там был, и за меня хватался, вот...— я подсунул ей под нос свои красивые синяки. Они малость пожелтели по краям, но всё равно смотрелись офигенно.

-Ну, вот...— разочарованно протянула Лариса,— я то думала ты хоть удивишься, ладно— имена троих последних детей я знаю точно, вот с первыми двумя— проблема. Наверное нужно поискать какие-то архивы, кто учился в пятидесятых годах, или стариков поспрашивать, случай-то неординарный— мальчик в школе умер, должны были слухи пойти,

сто процентов должны! А с девочкой что делать, не представляю...сто лет прошло, тут уж никаких очевидцев.

-Сто лет?— Дунька как-то насторожилась,— а может, кто из наших знает? У нас память длинная! Только там наших нету, там страшно, и не живёт никто.

-А где живёт?— поинтересовался я,— может рядом, может кто чего слышал, видел, помнит?

-Не знаю,— девочка смутилась,— надо поискать. Тут вот в доме есть, только мы как-то опасаемся...мы вроде как тут чужие.

-Не чужие, а мои!— строго поправил я,— так и говорите— живём в пятой квартире, графа Раймона родственники!

-А мы тебе родственники?

-А все люди— братья, ну, и сёстры соответственно. И нелюди тоже,— обрадовал их я.

-Тогда мы спросим!— девчонки сияли от радости. Я знал, что в доме есть «хозяин», да и как ему не быть— домик наш на шесть квартир был переделан из старинного особняка ещё до революции, и в этой самой двухкомнатной квартирке жи-

ло как минимум пять поколений моих предков. Когда-то уш-
лый «новый русский» пытался выкупить домик, но никто
продавать свою жилплощадь не спешил, а потом этот това-
рищ и вовсе умом повредился...а всё почему? Потому, что
договариваться не умел. Я-то тогда ещё маленький был, но
кое— что запомнил. Кстати, вскоре после этого моя матуш-
ка вышла замуж и съехала к отчиму. Наверно тоже, догова-
риваться не умела. А я всегда старался быть хорошим сосе-
дом. Даже когда у меня зависали весёлые студенческие ком-
пании, я всегда выключал «Раммштайн», если меня просили
соседи...в час ночи, стоя с монтировкой наперевес на моём
пороге.

История 20-я. Хорошее время суток.

Я залез в кладовку, насколько я помнил, там с незапамят-
ных времён хранился хороший кусок дерматина, которого,
по моим подсчётам, как раз должно было хватить на починку
двери. Мне с трудом удалось отбиться от попыток уложить
меня обратно на диван, но я справился. Вожделенный рулон-
чик вскоре нашёлся, правда, не совсем там, куда я его поло-
жил пару лет назад. Я достал линейку, и раскатав дерматин
принялся за разметку. Выходило в аккурат.

Я разрезал дерматин, и прихватив коробку обойных гвоз-
дей вышел на площадку, чинить дверь, пострадавшую в
схватке с нёхом. Сверху неторопливо спускался старший по

дому.

– Чинишь?

-Ага,— подтвердил я,— а как там на чердаке?

-Порядок на чердаке,— важно сказал он,— как и должно быть. А у тебя опять шалман?

-Да нет,— засмеялся я,— это сестрёнки мои, троюродные. У них дом сгорел, сироты. Приютил вот...и невеста моя.

-Ты смотри,— он покачал головой.— сам знаешь, дом у нас непростой. А дверь то кто тебе порезал?

-Да каб я знал,— я развёл руками,— ночью позапрошлой ломились какие-то. Я ж не дурак всем придуркам дверь открывать.

На площадку высунулась Акулька, увидела старшего, ойкнула и хотела спрятаться, но он её заметил.

-Здравствуйте, девушка!

-Здрассьте...— пробормотала Акулька, вся бойкость с неё мигом слетела.

-Это Акулина, сестра моя, младшая,- зачем-то пояснил я,- ещё Евдокия есть, она постарше малость.

-Ну, ладно,- он внимательно оглядел Акульку с ног до головы,- главное- не шуметь, и живите спокойно.

Повернулся и пошёл вниз по лестнице.

-Кто это?- шёпотом спросила Акулька.

-Старший по дому,- ответил я,- а что?

-Непростой он, вроде из наших, а не совсем,- она поёжилась,- хозяин...

-Чего?

-Вот его бы поспросить, про старые времена-то! Наверно знает. А я тебя пришла звать чай пить. Маша говорит, тебе отдыхать надо.

-Ща, приду, я доделал почти.

Начерно дверь была почти готова- оставалось набить орнамент из декоративных гвоздиков, и прикрутить на неё

номер квартиры и старинную медную табличку с надписью «Профъ. теологіи Натаниель Бирнь». Честно, профессор Бирн в детстве представлялся мне каким-то пиратом, или разбойником, но потом бабушка показала мне фото вполне благообразного господина. Что поделатъ, детские мечты часто далеки от реальности.

Через полчаса, когда мне уже были готовы настучать по голове, я закончил свою работу. Результат меня устроил, и я со спокойной душой пошёл пить чай.

-Граф, совсем забыла сказать,– Лариса отхлебнула чай,– завтра ты, как штык, к десяти утра в школу, при полном параде. Педсовет будет, тебя коллективу покажут, чтоб, значит, первого сентября народ не пугать.

-При полном параде?– я задумался, -блина... где-то была у меня рубашка белая. Или она была чёрная?

-А пиджак и галстук у тебя есть?– поинтересовалась Маша,– наверно надо в пиджаке и в галстукѣ.

-Мань, откуда? Я последний раз галстук в детском саду на утренник надевал.

-Что, совсем ничего нету?– поразилась Лариса,– а в чём

ты в школе на выпускном был?

-Ларёк, я на выпускной не ходил, нах оно мне сдалось, в девятом классе, я ж в училище ушёл. А за документами я как умный, в косухе пришёл и в джинсах. А то все такие прилизанные, надо было разбавить.

-Небось в школе счастье было, когда ты ушёл,— фыркнула Лариса.

-Да не то слово!— подтвердил я,— левой пяткой перекрестились. Только им без меня, думаю, скучно стало. Некому контингент разбавлять. А в училище всем наплевать, как ты выглядишь, главное— чтоб учился.

-Так может, купим тебе костюм?— Маша уже была готова идти в магазин.

-Мань, не издевайся!— взмолился я,— я ж помру на месте! Мне свобода нужна, как воздух!

-Не выдумывай,— Маша поморщилась,— никто от костюма ещё не умирал.

-Значит , я буду первым,— заныл я,— вот помру, пожалеешь, а поздно будет!

-Вот параноик,— засмеялась Маша,— ладно, ищи свою рубаху, чёрно— белую. Наверно, постирать надо, погладить...

Я пошёл искать парадную рубаху в недрах своего шкафа. Шкаф был большой, древний, наверно он помнил профессора Бирна, а то и его дедушку. Девы тут же кинулись помогать.

-Ой, хозяин, а что это?— в руках у Дуньки была моя старая футболка, художественно изрезанная, и расписанная мной собственноручно масляными красками.— А можно я возьму?

-Дунь, тебе не подойдёт, там вырезы не на месте,— предупредил я,— сверкать будешь. Или майку под неё надень.

-А мне?— Акулька смотрела на меня жалобными зелёными глазищами,— мне тоже...

-Ну, ищи,— разрешил я. Девы самозабвенно зарылись в кучу шмоток. Я особо не переживал— в моём гардеробе водились джинсы, майки, штук пять разной потрёпанности и расцветки рубах и пара свитеров. Немного подумав, я вытащил из недр шкафа вешалку, на которой болталась коричневая парусиновая ветровка. Когда-то я её купил, а потом благополучно забыл. А теперь она вполне могла сойти за пиджак. Ну, а чё? Пиджак, на молнии, с капюшоном... вполне имеет

место быть! А под него... а вот, чёрные джинсы и белую футболку. И всё, и не заморачиваться.

-Хозяин, можно?— Акулька нежно прижимала к груди майку с черепом во всю грудь, и умоляюще хлопала глазами.

-Да берите, чего хотите,— я великодушно махнул рукой,— поносите, постираете и обратно положите.

-Спасибо хозяин!

-Мародёры,— пробурчал я себе под нос, и пошёл хвастать находками.

-Раймон, ну ты вообще,— Лариса покачала головой,— какой же это пиджак?

-Коричневый,— уточнил я,— и вообще, физрук вон, в трениках ходит, и ничего! Никто не плачет.

-Ты с головой дружишь? Хотя, кого я спрашиваю...— она тяжело вздохнула,— помню я, как Маша меня с тобой знакомила, Маш, помнишь? Говорит— я тебя со своим парнем познакомлю, я, вся такая прихожу...сидит, чучело!

-Почему это чучело?— возмутился я,— ничего и не чучело.

Я креативный.

-Креативный по самое не хочу,— засмеялась Лариса, а волосы чёрные с синим? И полголовы под ёжик, а вторая половина— ниже плеч. И серьги ещё вдобавок. И джинсы рваные.

-А свитер не рваный был!— попытался реабилитироваться я.

- Угу...— Лариса скривилась,— вот только свитер и был относительно приличный, белый. Меня после знакомства с тобой Машина мама валерьянкой отпаивала, когда вы гулять ушли. Пришлось соврать, что молния на сапоге сломалась, мне ж реально страшно было, вдруг меня, с таким вот кто вместе увидит!

-То -то ты в институте шарахалась, когда я с тобой здоровался,— сообразил я,— а я-то думал, чего тебя так перекашивает? А потом ничего, привыкла же?

- Конечно,— Маша встала сзади и положила руки мне на плечи,— ты ведь совершенно невозможный человек, но тебя все любят.

-Мань,— я откинул голову назад,— а ты меня любишь? Выходи за меня, а?

– Я ж тебе сказала, не сейчас,– она запустила руки мне в волосы... вот так бы и сидел, я зажмурился от удовольствия,– надо маму с папой подготовить.

-Сто пятьдесят девять,– констатировал я,– но я своего добьюсь.

Маша засмеялась. Из комнаты вышли девчонки в обно-вах. Иконы стиля онемели и окаменели. Девы были чудо, как хороши– в моих майках и в моих джинсах... сияли они как медный таз.

-А нам хозяин разрешил брать чего хотим,– гордо заявила Акулька,– мы взяли!

-Хозяину вашему,– начала было Лариса, но не выдержала, и расхохоталась.

-Хозяину вашему самому надо нормальных вещей купить,– проворчала Маша,– а то ходит как не знаю кто!

-Мань, а Мань, ну выходи за меня, а? Будешь меня одеваться учить...

-Да ну тебя, граф!– фыркнула Маша,– тебя не переделать.

-Мань, сто шестьдесят,— я вздохнул,— Мань, если ты не согласишься, случится страшное!

-Что?— напряглась она.

-Я ж так неженатым и помру!— заявил я,— а это трагедия века!

-Чучело ты,— Маша снова начала трепать мне волосы,— ладно, раз ты в порядке, то мы по домам. А завтра ты там посмотри, в школе, что к чему. Вещи надо поискать.

-Я проконтролирую,— подключилась Лариса,— чтоб опять не покалечился.

-А мы спрашиваем, кого увидим,— девчонки тоже были готовы к сотрудничеству.

На том и порешили.

История 21-я. Психолог и мусор.

Я проснулся от того, что кто-то настойчиво дёргал меня за ногу.

-Кому не спится в ночь глухую,— пробурчал я, пряча ногу

под одеяло.

-Подъём, так и знала, что проспишь!– блина... Ларёк, как она то сюда попала... и почто?

-Я сплю... и не снись мне,– попытался отмазаться я.

-Вставай, педсовет сегодня!– ох, ё... я разлепил глаза– Лариса возвышалась надо мной, как олицетворение божьей кары... с кружкой в руках.

-Ты сейчас встанешь, приведёшь себя в приличный вид и пойдёшь в школу, понятно?

-Понятно...– уныло протянул я,– Ларёк, а может нунах? Сходи за меня тоже? А я потом приду.

Она угрожающе подняла кружку над моей головой.

-Понял, понял, сейчас...

Лариса вышла, и я начал медленно выползать из постели...

-Хозяин, ты сегодня красивый,– Дунька глядела на меня с восторгом,– нарядный!

-Только сегодня?— уточнил я,— то есть обычно я уродский оборванец?

-Нет,— испуганно воскликнула она,— Просто сегодня ты очень красивый! Вот так надо идти и свататься.

-Я сегодня не свататься иду, а с коллективом знакомить— ся,— вздохнул я. —Хотя, может...

-Хватит болтать, пошли, а то опоздаем,— Лариса уже обувалась.

-Девчонки, вы тут смотрите,— я решил оставить девам прощальные цу,— если что, сразу звоните мне, номер вот, на листке написан, телефон вот, на полочке стоит!

-Хорошо, хозяин,— они стояли рядышком, и напоминали двух воробьёв,— мы поняли, мы тут поспрашиваем наших...

-Граф, брось сигарету,— предупредила Лариса у школьного забора.

-А чё?— не понял я,— докурю и брошу.

-Дурью не майся, нельзя на территории школы курить! Это пока ты ремонт делал, директор терпела, а сейчас втык получишь на раз-два!

-Да лан,— я не понял, в чём тут прикол, но сигарету на всякий случай выбросил.

Под бдительным взглядом охранника прошли в актовЫй зал. Я чувствовал себя как...даже и не знаю, как сказать – наверное как кот на кошачьей выставке. Все смотрят, обсуждают, а ты старательно делаешь вид, что тебе всё пох. Впрочем, коту легче, у него всегда занятие есть.

Я поздоровался с уже знакомым мне физруком, раскланялся с директором, и вдруг ощутил на себе чей-то взгляд. Меня ,точно камнем по башке, огрело. Я оглянулся – никого. Только стоящая вполоборота женщина в сером костюме. Она отошла в сторону, и я вспомнил, как надо дышать. Оказывается, я впал в какой-то ступор.

-Ларёк,— поинтересовался я вполголоса у подошедшей Ларисы, -а в сером кто?

-Психолог, Викторина Андреевна, а что?

-Да так, просто. А почему Викторина?

-Ну, по паспорту,— хмыкнула Лариса.— Она тут давно работает, наверное, лет десять. Странная тётка .

-Ага,— согласился я,— есть такое дело.

В начале педсовета была речь на тему, потом речь про нормативные документы, потом ещё такая же нудная речь... Я отчаянно боролся со сном. Если бы Лариса периодически меня не пинала, я бы таки заснул и опозорился, Я представил себе, как я, крепко спящий, сползаю в проход между рядами стульев и сплю, свернувшись клубочком. Мне сразу стало весело. Я скосил глаза и снова увидел психолога со странным именем Викторина – она сидела и неторопливо рассматривала своих коллег. Вот она дошла до меня, я не успел отвернуться...мамадорогая... снова как удар, она смотрела на меня, как на какое-то мерзкое насекомое. Чем я ей так не угодил, непонятно. Наконец директор, улыбаясь милой крокодильской улыбкой, сообщила о притоке в коллектив свежего молодого кадра в лице меня, любимого. Я встал, чтоб все меня заметили, и прониклись. Потом сел, потому, что все явно оочень прониклись.

Наконец заседание закончилось. Я с облегчением вздохнул, отобрал у Ларисы ключ и пошёл в свой кабинет.

-Погоди,— она догнала меня,— сейчас к себе, да?

-Ну, да, а что?

-Через полчаса приходи в мой кабинет, мы там поделки устраиваем. Я, и ещё девочки из началки.

-Сколько денег?— я не хотел быть нахлебником.

-Двести с носа. Мы скромненько. Чайку попить, и ты немного со всеми познакомишься.

-Договорились.— я вытащил из кармана две сотенных и отдал Ларисе,— может в магазин сходить? А то сумки.

-Да мы тут, в столовке купим,— она улыбнулась,— не грузись, граф!

Я отпер дверь и вошёл в кабинет. На полу лежали куски дерева, я осторожно сдвинул их ногой к стене. Подошёл к синему шкафу, и потянул дверцу. Она противно закрипела, но ещё немного приоткрылась. Я заглянул внутрь. Темно, пахнет пылью и затхлостью. Потом просунул туда руку. Нашупал край какой-то тряпки, потянул, вытащил из шкафа старый детский носок в полоску. Повертел его в руках — странно... как он там оказался? По размеру он никак не под-

ходил школьнику. Отложил в сторону.

Дверь открылась и вошла странная дама Викторина .

-Зря вы это затеяли, молодой человек,— строго сказала она,— зря!

-Почему зря?— я сидел на полу и смотрел на неё снизу вверх,— вы о чём вообще? О ремонте? Так я на совесть делаю, не халтуру .

- Сами всё понимаете,— она недобро усмехнулась,— прекращайте ваши нелепые поиски, тут вам не мир Гарри Поттера. И добрый волшебник на помощь не придёт. Лучше всего пишите по собственному, и занимайтесь дальше своей шабашкой. Вам это больше подходит.

-А это мне решать, что мне подходит, а что нет,— я встал с пола. — и мои поиски не ваше дело.

-Ну, ну,— она снова скривила губы в усмешке,— помнится ваша предшественница, Альбина Эдуардовна тоже так говорила. А ведь я считаю своим долгом предостеречь. Не более того.

- Извините, совершенно нет желания обсуждать подоб-

ные вопросы ни с вами, ни с кем –то другим,– я постарался улыбнуться ей как можно лучезарнее. Кажется, перестарался – она отпрянула от меня, точно я хотел её укусить,– если мне понадобится совет, так я спрошу, честное слово!

-Ну что ж...я разочарована,– она покачала головой,– впрочем, человек сам кузнец своего несчастья!

Повернулась и вышла. Вот же ж...подумал я, какая неприятная тётка. И смотрит на меня, как Сталин на врага народа. Да ну нах! Я снова полез в шкаф. Подцепил кончиками пальцев край какого-то пакета, вытащил его на свет божий. Старый пакет, внутри что-то непонятное...земля – не земля, сухое и мелкодисперсное. Я плюхнул пакет на пол, и он, по закону подлости разорвался. Сухая пыль разлетелась по чистому полу, я расчихался.

Я присел на корточки, оценивая размер бедствия...в кучке пыли что-то тускло блеснуло. Я разгрёб пыль...заколка, металлическая с цветной эмалью, я продолжил рыться в пыли и обнаружил ещё грязный носовой платок с цветочком, тёмно– синюю пиджачную пуговицу, сломанный перочинный ножик и шелковую ленту, такую ветхую, что она буквально разлезалась в моих руках.

-Ох, ё...– сказал я сам себе,– вот они...я аккуратно отло-

жил в кучку заколку, платок и пуговицу, с ними было легче. Тут, по крайней мере, можно установить, что кому принадлежало. А вот ножик и лента... нужно было найти пакетик, чтоб всё упаковать. А лучше два пакетика. Я вытащил из кармана телефон и позвонил Ларисе.

-Граф, ты сдурел?— удивилась она,— мы же на одном этаже, приходи сюда!

-Ларёк, лучше ты— сюда! Прихвати веник и совок, и два чистых пакета. Лучше, конечно пять или семь, но и два сойдёт!

-Ты что-то нашёл,— поняла она,— бегу!

Я аккуратно перекладывал свои находки, заколка— точно такую я видел в волосах девочки в пёстром свитере, синяя пуговица— явно от пиджака парня, платочек принадлежит третьей девочке. Я знал их имена. Теперь нужно было узнать, как им вернуть их вещи. Ножик несомненно собственность парнишки в серой форме, а лента — гимназистки. А вот кому принадлежит носок, и почему он лежал отдельно? Я снова полез в шкаф. Мне удалось ещё приоткрыть дверь. На полке стояли два пустых горшка. Рядом лежала старая шариковая ручка, кусок бинта с ржавыми пятнами крови и рваный чулок. Мусор какой-то, но я не торопился его выбрасывать. Я

приложил к ним носок. Получилась третья группа предметов. Теперь мне было над чем подумать.

История 22-я. Некоторые соображения.

-Ну, ты и свинтус , граф!– воскликнула Лариса, глядя на погром в кабинете. Она вошла в дверь с пачкой пакетов в руках и остановилась, до глубины души возмущённая представшей перед ней картиной – пол засыпан пылью непонятного происхождения, три художественно разложенные кучки не пойми чего, и я, красивый, весь этой пылью умазанный. Ну, а что поделать, на белой майке всё ж видно, а серую мне надеть не дали. Подумаешь, надписи, под курткой не видно же! (На серой майке было написано – на спине «Пью, курю, ругаюсь матом», а на груди сакраментальное «И чё?»)

-Ларёк, погодь орать,– попросил я,– давай рассортируем добро сначала. Смотри, это всё вместе с грязной дрянью в пакете лежало, а пакет лопнул.

Лариса присела рядом со мной. Посмотрела на кучки мусора.

-Ну, с этими понятно, -она показала на вещи школьников,– а вот это что? -её палец ткнул в третью кучку.

-Ларёк, это в шкафу лежало. Носок на маленького ребёнка, ручка сломанная, чулок и бинт. Какой-то набор колдуна – вуду, порчу наводить.

-Стоп,– Лариса схватила меня за руку,– именно, что порчу! Граф, ты гений !

-А что, кто-то сомневался?– я удивился,– это ж очевидно!

-От скромности ты не умрёшь,– она улыбнулась,– ну вот , смотри– нужно как-то убить человека, в нужном месте, и чтоб никаких следов. Берём у него что-то, и творим обряд...и он умирает. Там где надо. Только как взять? Ждать, пока потеряет? Или что?

-Ларёк, ну ты закрутила,– я восхищённо покрутил головой,– так кто тут ещё-то помер? Или...стой, погоди, носок , носок надо отдать сыну Тамары Петровны! Хотя, он и так себя нашёл. Но надо вернуть. А ручка, бинт и чулок наверное директора , завхоза и Занкевич. Но опять же, если Занкевич эту кашу заварила, то почему она сама так тупо подставилась? И причём тут эта...Лотерея?

-Какая лотерея?– не поняла Лариса,– ты о чём? И правда, глупо, если это Занкевич затеяла.

-Да не лотерея, Викторина,— поправился я,— она тут являлась и требовала, чтоб я опять сделала всё как было, и сгинул откуда пришёл.

-Странно,— озадачилась Лариса,— а ей-то что? Кабинет у неё хороший, с чего ей тут воевать?

В дверь постучали, вошла женщина лет тридцати.

-Ларис, вы чего тут застряли? Все уже сидим!

-Ой, Катюш, мы сейчас, -Лариса поднялась,— только подмести надо!

-Ну, иди, я тут всё приберу,— я решил побыть великодушным,— всё равно извозился уже.

Я смёл в совок пыль, разложил по пакетам вещи и спрятал их в свой рюкзак— мало ли, а то ходят тут всякие...Викторины с лотереями. Потом умылся в туалете. И как мог отряхнул от пыли майку. Пришёл к выводу, что я в любом виде прекрасен, а пытаться улучшить идеальное — только зря время терять, и отправился на чаепитие.

Чаепитие прошло в несколько напряжённой обстановке...шесть дам разного возраста, и я, любимый...честно —

мне было как-то стрёмно, не привык я к такому коллективу. Ну, да ладно, всё закончилось относительно благополучно, и я отправился домой. Что то мне было как-то беспокойно— как там моя команда поживает? Не вляпались ли во что?

Я отпер дверь, и малость офигел. В квартире вкусно пахло выпечкой, а девы на кухне старательно потчевали чаем с печеньем старшего по подъезду.

-Здрассьте, Филипп Васильевич!— честно, я был удивлён. Он, конечно, приятельствовал с бабушкой, но ко мне вот так запросто никогда не заходил.

-Здравствуй,— он благодушно улыбнулся,— хорошие у тебя девочки, печенья напекли...

-Ага,— я растерянно кивнул. Присел за стол, взял с тарелки кривенькую печенюшку, откусил. Вкусно, однако! И пофиг что страшненькие, я их есть буду, а не любоваться. Девы смотрели на меня вовсе глаза.

-Вкусно,— похвалил я,— чайку плесните, а?

-Ой, мы сейчас, хозяин!— они засуетились у плиты, и вскоре мне подали кружку с чаем. Во мне, конечно уже плескалось кружки три, но обижать девчонок не хотелось, и я съел

ещё пяток печенек, запивая их чаем.

-Так вот,– старший строго на меня посмотрел,– сам понимаешь, какое тебе счастье привалило, так что береги!

-Да я понял, понял...– я кивнул, дожёвывая последнюю печенюшку.

-Вот и хорошо, – он тяжело поднялся со стула .-Ты их главное от себя не отпусти.

-Да я как бы и не собирался,– я совсем растерялся, чего это он?

-Ну, счастливо,– старший пошёл к двери, я встал чтоб его проводить, девы тоже. Он посмотрел на меня оценивающе, кивнул и ушёл.

-Ой, хозяин,– наперебой загалдели девы,– а дяденька нам такого рассказал! Он тут всех знает, и наших знает, и не наших тоже! И про мальчика он слышал, и про девочку! Только он точно не знает, про девочку, говорит, узнавать надо, а про мальчика рассказал!

-Что рассказал?– я аж подпрыгнул на табуретке.

-Мальчик был в школе, и в школе умер! И его похоронили, а они не до конца умерли, то есть они умерли, а неправильно! А чтоб правильно, надо им вещи вернуть, прямо прийти на кладбище и отдать!

-Как отдать?– не понял я,– они что, там гуляют?– моё богатое воображение нарисовало мне компанию школьников–зомби, шатающихся по кладбищу и пугающих подвыпивших сторожей.

-Да ты что, хозяин!– Акулька аж глазами захлопала,– прийти и на могилку положить, а они уж сами заберут как–нибудь!

-А мальчика Федя Заславин звали,– Дунька печально подпёрла рукой голову,– вот...жалко!

-Да всех жалко,– согласился я,– нелепо как то...Потерял вещичку, а тебя и того.

-Они не теряли,– вдруг сказала Дунька,– они сами отдали, только их обманули. Всех обманули.

-Как сами?– я удивился,– зачем?

-Наверное кто то им что то обещал,– Акулька прикусила

коготок,— вот точно. Обещали!

Я задумался— версия была ну очень правдоподобная. Наобещать с три короба, а когда желаемая цель достигнута, убрать жертву...или нет, жертву убрать для достижения собственной цели, не утруждая себя даже подобием исполнения обещания.

Я внёс в список Федю Заславина. Теперь осталась только одна неизвестная девочка, гимназистка, выпившая по ошибке кислоту. Нужно было собраться с духом и как-то узнать, где похоронили ребят. И Альбину Занкевич. Хотя она и подставила своих подруг, и даже после смерти оставалась на редкость неприятной скандалисткой, но я не мог оставить её в неправильном посмертии.

Я строго посмотрел на девчонок и спросил:

-Так, значит готовить вы умеете!

-Так, хозяин, мы это, ну,— они замялись,— у тебя же не печка...мы присматривались!

-И меня бедного эксплуатировали,— я закинул ногу на ногу,— я вам книгу куплю, с рецептами. Чтоб готовили.

-Спасибо, хозяин!— девы расцвели на глазах,— мы будем, честное слово! Мы осторожно!

-Договорились,— я был доволен, мне порядком надоело стряпать на большую компанию.

История 23-я. Родственнички...

Я вылез из ванны, и поплёлся отпирать дверь, в которую кто-то настырно долбился уже минут пять. Девы, как две мышки сидели на кухне, строго соблюдая мои указания— если я дома, то открываю только я. Хватит с меня утренних побудок. Я распахнул дверь, придерживая сползающее полотенце. Ой, блина... Маша стояла на пороге, и смотрела на меня с весёлым недоумением.

-Граф, ты чего?

-Я того, мылся я, Мань, ты проходи, я сейчас!

Я метнулся в ванную, и вышел одетый. Маша сидела на кухне с девами, и доедала последнюю заныканную кем-то печеньку.

-Марусь, как здорово, что ты пришла!— я и правда был очень рад.

-Я соскучилась,— Маша подошла ко мне и обхватила меня руками за пояс. Я обнял её.

-Женитесь уже, а?— недовольно проворчала Дунька,— долго ли будете?

-Не ко мне вопрос,— вздохнул я , не выпуская Машу,— я хоть завтра.

-Ну...дай неделю подумать,— Маша посмотрела на меня серьёзно и немного грустно.— всего неделю, хорошо?

-Договорились,— я успокаивающе улыбнулся. У меня созрел один план, и завтра я был намерен начать его осуществление.

-А что вы в субботу делаете?— спросила Маша.

-На кладбище собирались,— ответил я.— Серафимушку проведать, ну и осмотреться. Не факт, что сразу найдём, но надо же с чего-то начинать.

-Я с вами,— безапелляционно заявила Маша,— хоть я твою бабушку и не знала практически, но всё равно...

-Да кто бы против,— я был почти счастлив.

-Хозяин, а Серафимушка это бабушка твоя?– вдруг заинтересовалась Дунька.

-Ну, да. Серафима Григорьевна, а я что не говорил?– я что-то задумался– и правда, не говорил.

-Неа,– покачала головой Акулька,– только портрет показывал, на стеночке.

Портрет и правда был хорош– бабушка, как раз после выхода на пенсию, вся такая дама, вплоть до воротничка с камеей, сидит на стуле, а я стою рядом, положив ей руку на плечо– восемнадцатилетний гот с крашеными в чёрный и синий цвет волосами.

-У дедушки сестра была, в четвёртом колене, тоже Серафимушка,– поделилась Дунька,– только не знали они, они не как все наши были, а наособицу. Как люди жили.

-Вон чего,– я дёрнул себя за волосы,– гляди-ка, и правда родня. Странно, только– мать то у меня совсем не такая. Через поколение, что ли передаётся?

-А отец?– спросила неугомонная Акулька,– отец-то у тебя из наших?

-А я откуда знаю? Я, лично с ним не знаком.— я, и правда, данного субъекта в жизни не видел, он сгинул ещё до моего рождения, правда алименты слала исправно, но никаких попыток увидеться не предпринимал. Как и я сам.

Ночью, когда мы лежали рядом, я спросил:

-Мань, скажи , ты честно согласишься через неделю?

- Через неделю и узнаешь,— она потёрлась носом о моё плечо.

-Мань,— я сел и посмотрел на неё сверху вниз,— а если я в воскресенье свататься приду?

-В смысле?

-В прямом. Мать с отчимом возьму и приду. И всё.

- Ну, вот тогда и посмотрим,— она улыбалась в темноте. — я вот думаю, может мне сюда переехать?

-Завтра перевозим?— обрадовался я,— я отпрошусь!

-Нет, в понедельник, ты же в воскресенье свататься со-

брался?

– Так можно сразу потом и переезжать, чего дожидаться-то?

-Ну, посмотрим, ты только не торопи меня, ладно?– она потянула меня за руку,– на всё свои причины...

-Мань, ты тоже...не затягивай! А то мало ли, вдруг мне кирпич на голову упадёт,– проворчал я.

Утром, проводив Машу, я взялся за телефон и позвонил матери. Нужно было встретиться и обговорить все детали. Мать с отчимом как раз были дома, поэтому я решил дело не откладывать. Съездил в школу, что-то подписал, полюбовался на отремонтированный кабинет, и поехал к матери.

-Мам, -начал я,– мам, я женюсь.

-Слава богу,– мать размашисто перекрестилась.

-Рано радуешься,– скептически хмыкнул отчим,– сначала надо узнать на ком. Двух чудиков в семье будет явно лишку.

-Она в банке работает,– успокоил его я,– операционистом.

-Она ненормальная?– уточнил отчим,– или ты её шантажировал?

-Мам, скажи своему мужу, чтоб меня не доставал!– взмолился я,– я и так нервный! Я её три года уговаривал!

– Взял измором,– констатировал отчим.

-Перестань,– мать повернулась к отчиму,– радоваться надо, а ты...

-Так, – я решил взять дело в свои руки,– значит в воскресенье я покупаю торт, цветы, и мы вместе идём свататься. Приходим, звоним в дверь...

– Родители невесты смотрят в глазок, видят тебя и не открывают!– встрял отчим.

-Они меня уже видели и неоднократно!– возмутился я,– они открывают!

-И спускают нас с лестницы.

-Перестань, а! Все культурные люди. Вы говорите, ну, как там ...про товар и прочее...

– А этаж у них какой?– поинтересовался отчим.

-Восьмой,– ответил я, – а что?

-Высоко лететь,– он пригорюнился,– мать, ты плащик надень, когда нас в окошко выкинут, распахни и спланируешь...

-Да перестань, вечно ты со своими шуточками,– не выдержала мать,– не слушай, он нарочно.

-Ну, в общем договорились,– я облегченно выдохнул,– значит в воскресенье я захожу и идём.

-Ты торт помягче купи, с кремом,– посоветовал отчим,– в морду лучше таким получать.

-Оставь свой личный опыт при себе!– огрызнулся я,– а то я сам тебе тортом...

-Кстати,– озаботилась мать,– а те девочки, племянницы, да? Как они?

-Нормально,– я улыбнулся,– в школу пойдут, я устроил.

-Надо бы познакомиться,– сказала мать,– родня всё таки,

не чужие люди. Можно в воскресенье потом и зайти.

-Ну, если с лестницы не спустят и в окошко не выкинут... – не унимался отчим.

-Я никого ни за какое место с собой не тяну, – обиделся я, – могу и сам пойти, один, как сирота казанская!

-Ну нет, я такой спектакль в жизни не пропущу, – заржал отчим, – даже броник на работе одолжу! Мать, на тебя брать?

-Так, короче, – я встал, – в воскресенье всё должно быть на высшем уровне! И если кто-то всё мне изгадит, я его с говном съем самолично!

-Вылитая Серафимушка, – засмеялась мать, – не злись, волнуемся мы за тебя.

-Вот с Серафимушкой бы таких проблем не было, – вздохнул я, – ну да ладно. Мам, я на вас рассчитываю!

Мы допили чай, прибежал брат, поздоровался и уткнулся в комп. Через час я собрался и ушёл домой. Мне нужно было купить поваренную книгу, хотелось есть не просто каждый день, а ещё и не одно и то же. Быстро я к хорошему привык, однако... быстро.

История 24-я. Кладбищенская.

Наступило раннее субботнее утро... 11 часов. Я проснулся, и попытался вспомнить, что же я забыл. Вспомнил— я ж хотел встать в восемь, чтоб как все нормальные люди успеть на кладбище до обеда. Значит не судьба мне стать нормальным, сделал я вывод и потихоньку поплёлся в ванную.

-Доброе утро!— прокричала Маша из кухни,— горячее остыло, холодное согрелось! Иди скорее завтракать.

-Доброе утро, хозяин!— хором пропели девы.

-Доброе, доброе,— я быстренько умылся и явился в кухню. Кормили сегодня блинами с вареньем и поили кофеом со сгущёнкой. Девы смачно облизывались, пустая банка валялась в мусорке, вторая, открытая ждала меня на столе. Мне сразу похорошело...я вообще-то довольно примитивное существо, и для счастья мне много не надо.

Мы быстренько собрались и поехали на кладбище. Ехать было долго, через весь город и немного за город. По дороге мы болтали, и я вспомнил одну страшную историю. Меня тут же попросили её рассказать, а я...ну, я всегда только за.

-Одна девочка, ну, не совсем девочка, было ей лет пятнадцать наверное, приехала с мамой в гости к маминому брату. На недельку погостить. А эта девочка очень всякие ужастики любила, особенно про вампиров, «Сумерки» до дыр проглядела. Ну, вот, постелили ей в комнате, на диване, а она ночь не спит— начиталась. Страшно...Вдруг слышит— входная дверь тиихо так открывается, и кто-то заходит в квартиру. Почти бесшумно. Она от страха пошевелиться не может, только видит— свет такой. Слабенький, синеватый, прямо к ней движется...движется...смотрит она— мать моя женщина— вампир! Прямо к ней идёт! Сам бледный, волосы чёрные, длинные, глазищи тоже ...и одет во всё чёрное! Майка чёрная, джинсы— чёрные, гады до колен— тоже чёрные! На руках— браслеты с шипами, а на шее— ожерелье железное!

Маша давилась смехом, она знала эту историю, но портить девчонкам удовольствие не хотела. Я подмигнул ей и продолжил:

-Девочка от страха ни рукой ни ногой, а вампир уже совсем близко...и тут она каааак закричит!

-А вампир?— дрожащим голосом спросила Акулька.

-А вампир тоже как заорёт русским матерным— какая такая нехорошая сволочь мой диван заняла! Понимаешь, я то-

гда на каникулах работал, ну, после работы и загулял малость, прикинул, что домой далеко тащиться, а до матери-минут пятнадцать ходу, я и решил у них переночевать, чтоб поспать подольше. Дверь своим ключом отпер, свечу себе телефоном, и крадусь потихоньку, чтоб не разбудить никого. Кто ж знал, что к отчиму сестра с племянницей приехали, и эту дурочку на моё спальное место уложили! А как был я тогда гот, то и прикид у меня был соответственный. Так и не выспался, вот что самое страшное!

Маша тихо стонала от смеха, хотя слышала от меня эту историю как раз тогда, когда она собственно и произошла. Девчонки секунд пять переваривали инфу, и вдруг обе разом закатились на весь автобус. Народ начал оглядываться и улыбаться— смеялись они на редкость заразительно.

-Отчим меня потом наверное месяц Эдвардом звал, или Дракулой,— я тоже засмеялся. Жаль, Серафимушка не дожидла до того момента, она бы оценила.

На кладбище я быстро нашёл знакомую могилу, наклонился к овальной табличке с фотографией:

-Бабуль, прости засранца, давно не был...

Серафимушка улыбалась с портрета, она меня всегда прощала. Мы с Машей вымыли памятник, девчонки пропололи траву на могиле, и стали видны мелкие красные цветочки, я посадил их ещё весной. Оказывается, они зацвели, а некоторые уже дали семена...

Неподалёку от нас расположилась весёлая компания, с выпивкой и закуской. Они уже дошли до определённой кондиции, и решили, что мы-то им и нужны. Один гражданин, весьма солидных габаритов подвалил к нам с радостным криком— «Девчонки, давайте к нам!»

Я обернулся, и выпрямился. Слонопотам икнул, видно спьяну он принял меня за девушку, из-за длинных волос. Потом он оценил все мои пятьдесят кило и пришёл к выводу, что я ему не соперник. А зря... я десять лет боевым карате занимался, прыгаю высоко и растяжка у меня хорошая. И ботинки правильные, челюсть с ноги я на раз— два выношу. Я встал так, чтоб девы и Маша оказались у меня за спиной и спокойным тоном подсказал этому неумному человеку, куда ему надо идти и чем заняться. Он не понял моих добрых намерений, и полез на меня с кулаками. Честно, мне даже делать ничего не понадобилось, я его просто слегка подправил. Даже не пнул! Я ж добрый, вообще-то. Но остальным это явно не понравилось. Я здраво оценивал свои шансы— от четверых мне не отмахаться, значит придётся быстро бегать.

Но тут за моей спиной что то очень громко зашипело. Пьяные идиоты, включая пострадавшего, кинулись улепётывать, на ходу они вопили про колдуньину могилу. Я обернулся— сзади стояли довольные донельзя девчонки и белая как полотно Маша.

-Это что такое?— строго спросил я.

-А мы кошек показывали!— девчонки прямо сияли, гордость их просто распирала. Я прикинул— если вид оборотня соответствует массе человека...у Акульки должна была получиться камышовая кошка, а у Дуньки никак не меньше рыси...конечно, эти дебилы ломанулись подальше.

-Господи,— Маша никак не могла опомниться,— это же как...это...

Я обнял её, она вся дрожала.

-Мань, всё хорошо, они же просто иллюзию показали, что ты испугалась, это же не по настоящему,— я уговаривал её, как ребенка. Она понемногу успокоилась, но временами поглядывала на девчонок с опаской.

Мы медленно гуляли по кладбищу. Я искал какие—нибудь знаки или подсказки, но ничего на ум не шло. Искать три мо-

гилы среди множества свежих захоронений— всё равно, что иголку в стоге сена.

-Хозяин,— окликнула меня Дунька,— плачет кто-то...

-Так кладбище же,— пожал я плечами,— тут только и плакать.

Мы подошли поближе, на могиле плакала средних лет женщина. «Доченька... вот платочек, такой ли...» Я понял— это-то мы и искали. Мы подошли к могиле. С гранитного памятника на нас смотрела знакомая мне девочка. Катя.

-Извините,— сказал я женщине,— вы ведь дочкин платок ищете?

Она подняла голову и посмотрела на нас заплаканными глазами.

-Понимаете, я почти каждую ночь её во сне вижу, Катюшу мою. Она плачет и говорит: «Мама, найди мой платок, они меня не отпускают...» сколько платков уже принесла сюда... а она всё снится.

Я снял с плеча рюкзак и выудил из него пакетик с платком, пуговицей и заколкой. Достал платок и протянул женщине.

-Наверное вот он, вы положите здесь.

Она недоверчиво взглянула на платок. Потом выхватила его у меня и положила рядом с памятником. Внезапно мимо нас, очень низко, задев женщину по голове крылом, пронеслась ласточка.

Мы следили за ней, пока она не исчезла высоко в небе. Я посмотрел на могилу— платка не было.

-Не знаю, кто вы,— женщина вытерла льющиеся слёзы,— но я вам теперь навсегда обязана...прямо отпустило, будто душа Катенькина с этой птичкой на небо улетела...Спасибо вам...

-Да не за что...— мне вдруг стало неудобно. Я спросил её про остальных двоих, но она не могла нам ничем помочь. Мы пошли прочь с кладбища.

-Хорошенького помаленьку,— резюмировал я,— одну нашли, и то хорошо.

-А как они бежали,— слабо улыбнулась Маша.— наверное теперь на всю жизнь протрезвели!

Девчонки весело захихикали.

-Я вас в аренду сдам,— сказал я,— в наркологическую клинику, алкашню лечить будете!

-Мы можем,— важно сказала Дунька, — кошку покажем— и всё!

-Две кошки,— Акулька отставать не хотела,— и страху напустим!

-Вот не будет у нас денег, так и будем зарабатывать— засмеялся я.

Мы проводили Машу до дома и отправились к себе. Завтра меня ждал трудный, но, надеюсь, удачный день.

История 25-я. Сватовство.

Ночью я постоянно просыпался, снилась мне разная дрянь. Под утро заснул крепко, и чуть не проспал, как обычно до обеда, но был немилосердно растолкан девицами.

-Отстаньте, обезьяны, я спать хочу,— я вцепился в подушку.

-Хозяин, вставай, уже утро!– причитали они,– ты же свататься собирался!

Мать моя женщина...я вскочил как ошпаренный. Девы, весьма довольные удрали на кухню и активно загремели посудой. Я посмотрел на часы– блина...изверги! Восемь утра же...спать...нет, не спать, не спать! Неимоверным усилием воли я взял себя за шкурку и потащил в ванную. Из зеркала на меня смотрел небритый и лохматый субъект с маниакальным блеском в глазах. Встреть я такого в тёмном переулке, я бы пошёл другой дорогой, посветлее. Я привёл себя в относительно приличный вид, и пошёл поискать, чего перекусить. Девы гипнотизировали чайник .

-Ой, хозяин, ты садись,– захлопотали они вокруг меня. Я сел и потянулся за хлебом.

-Мы сейчас,– они отобрали у меня хлеб, нож и колбасу, и в четыре руки принялись что-то изготавливать. Мне стало интересно, но я решил дождаться результата. Дождался–мне был торжественно поднесён бутерброд– отпиленный от багета кусман хлеба, на нём толстый скрой колбасы, сверху все задекорировано майонезом и пришлёпнуто луковым пёрышком. Покоилось это сооружение на старинной фарфоровой тарелке– остатке былой роскоши, гарднеровского сервиза. Девы сияли. Я чувствовал себя, по меньшей , падишахом.

К бутерброду полагался чай в поллитровой кружке, из которой я обычно пил пиво, и сахар.

-Спасибо, девчонки,— честно, я был растроган,— сами— то тоже ешьте.

Они быстренько настругали себе хлеба с колбасой, и пристроились рядышком, преданно глядя мне в глаза.

-Вы чего?

-Хозяин, а вот ты женишься...

-Ну, если выживу... и с лестницы не спустят, то скорее всего да.

-А ты нас тогда выгонишь?

-Куда я вас выгоню? Зачем?

-Ну, мы же место занимаем...

-И чего?— я ни как не мог уловить связь,— вы чего кипишитель-то? Места тут хватит.

-И потом тоже?

-Когда это потом? Что вы тут за фантазии развели, не понимаю,— я начинал злиться.

-Ну, вот ты женишься, дети родятся...

-Да тьфу на вас,— возмутился я,— я ж говорю— места всем хватит! Не дёргайтесь.

-Хозяин!— они кинулись обниматься.

-Да мать вашу за ногу!— взвыл я, когда опрокинутый чай пролился мне на ногу,— горячо же!

-Ой, прости, хозяин!— они стали оттирать меня от чая, я не выдержал и ушёл переодеваться. Мартышки... что с них взять.

Наконец я был собран по высшему разряду— майка чёрная, без дыр и неприличных надписей, джинсы чёрные, целые, рубаха белая, чистая— я её таки нашёл! Берцы тоже начистил. Торт, памятуя наставления отчима я купил большой и с кремом— а то мало ли... вдруг и правда? Лучше подстраховаться. Три букета цветов— Маше, её матери и бабушке, и бутылка коньяка для её отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.